

МИРЗОЕВА МОХИРА МАДИБРОХИМОВНА

**ЛЕКСИЧЕСКАЯ И ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ СИНОНИМИЯ В
ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ С. АЙНИ**

**10.02.22 – языки народов зарубежных стран Европы, Азии, Африки,
аборигенов Америки и Австралии (таджикский язык)**

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание учёной степени доктора
филологических наук

ДУШАНБЕ – 2018

Работа выполнена на кафедре стилистики и литературного редактирования
Таджикского национального университета

Научный консультант: **Камолетдинов Бахретдин** – доктор
филологических наук, профессор

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, директор
Института языка, литературы, востоковедения и
письменного наследия имени Рудаки
Рахматуллозода Сахидод Рахматулло

доктор филологических наук, директор
Научно-исследовательского института
государственного управления и государственной
службы Института госуправления при Президенте РТ
Мухторов Зайниддин

доктор филологических наук,
доцент кафедры теории и практики перевода
Таджикского государственного института языков
имени Сотима Улугзода
Турсунов Фаёзджон Мелибоевич

Ведущая организация: **Худжандский государственный университет**
им. академика Б. Гафурова

Защита состоится «14» сентября 2018 г. в 13.30 часов на заседании
диссертационного совета Д 737.004.03 по защите докторских и кандидатских
диссертаций при Таджикском национальном университете (734025, Республика
Таджикистан, г. Душанбе, пр. Рудаки, 17).

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Таджикского
национального университета (734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе,
пр.Рудаки, 17) и на сайте www.tnu.tj

Автореферат разослан «__» _____ 2018 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук,
доцент

Садуллаев Дж. М.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Таджикский литературный язык в процессе различных этапов своего исторического развития пережил значительные изменения. На сегодняшний день его носителем являются СМИ, а эталоном признан язык творчества наших великих поэтов и писателей, в частности Садриддина Айни. Исследование языка художественного произведения, с одной стороны, способствует прояснению динамики языковой системы и эволюционного развития литературного языка, определению уровня и совершенствования его словарного состава, а с другой является своего рода справочником для правильного выбора и употребления языковых единиц. Проблема частотности ошибок, допускаемых в речи представителями СМИ в выборе слов и устойчивых единиц языка, в слово- и формообразовании, в синтаксической структуре словосочетания и предложения лишней раз подтверждают необходимость исследования способов употребления языковых единиц, в частности лексических и фразеологических синонимов в художественных произведениях таких писателей как С. Айни. Изучение указанных выше единиц языка предоставляет возможность для верного и точного выбора слова и фразеологизма из целого синонимического ряда, способствующего безошибочному и правильному выражению мысли журналистами и молодыми писателями.

Актуальность темы исследования. Проблема лексической и фразеологической синонимии на материале произведений Садриддина Айни интересна тем, что впервые на основе богатого фактического материала художественных произведений исследуются стилистические особенности лексических и фразеологических синонимов. Синонимия прозы писателя – одна из малоизученных проблем в таджикском языкознании и стилистике. Несмотря на наличие некоторых работ, посвящённых прозе устода Айни, проблема использования синонимов в его произведениях остаётся нерешенной. С этой точки зрения язык художественной прозы обладает особой спецификой. В этом аспекте в первую очередь изучается индивидуальный стиль писателя с точки зрения использования лексических и фразеологических синонимов. Особенности языковых единиц, их стилистическая окраска и значение для развития литературного языка нового периода, соответствие лексико-фразеологических синонимов таджикского языка в семантическом плане являются основными проблемами исследования.

Следует отметить, что проблема синонимии не ограничивается лексической и фразеологической сферами: она также связана со словообразованием, формообразованием, структурой словосочетания и предложения. В связи с этим, задача данного исследования состоит в выявлении дифференцирующих оттенков синонимов, в определении места их употребления и исследовании стилистических свойств, употреблённых в тексте с новыми оттенками и значениями, которые не были зафиксированы в словарях. Кроме того, необходимо выявить

мастерство писателя в использовании лексико-фразеологических синонимов.

Изучение индивидуального стиля писателя даёт возможность раскрыть новые обстоятельства и условия использования синонимов в тексте художественной прозы. Необходимо отметить, что в произведениях устода Айни синонимы употребляются не только во избежание неуместных повторов – они уточняют сущность предмета или действия, разъясняют слова-синонимы в тексте, дополняют значения друг друга, реально оценивают события и используются для более полной характеристики персонажей. При этом отмечается мастерский подход писателя к использованию этих единиц языка. На основе богатого фактического материала предоставляется возможность изучить приёмы и способы использования лексических и фразеологических синонимов, что на сегодняшний день играет важнейшую роль в исследовании лексикологии и фразеологии.

Степень научной разработанности проблемы. Изучение и исследование лексико-фразеологической синонимии является наиболее актуальным в современной лингвистике. В таджикском языкознании первые сведения о синонимах встречаются в трудах и словарях классического периода развития языка, дошедших до наших дней. Ещё в прошлом ученые-словесники исследовали многие стилистические категории и понятия в тесной связи со способами выражения мысли. И это отражалось во взаимосвязи таких критерий совершенства, как *балогати сухан* (красноречие) и *фасоҳати калом* (плавность речи) с искусством выбора и употребления лексических и грамматических средств языка¹. По мнению автора «Сабкшиносӣ» (Стилистика) Мухаммада Таки Бахора, основными проблемами стилистики являются выбор языковых средств и способа выражения².

На современном этапе развития языка вопросы лексической синонимии затрагиваются во многих работах, посвящённых исследованию лексики. Специальное исследование по лексической синонимии таджикского языка принадлежит М. Мухаммадиеву. В своей монографии «Синонимы в современном таджикском языке (именные части речи)» автор анализирует ряд синонимов, в которые входят как литературные, так и разговорно-просторечные слова, принадлежащие одной лексико-грамматической категории (т. е. одной части речи).

Известный русский ученый В.В. Виноградов писал, что «стилистика общенародного, национального языка рассматривает соответствующие языковые явления с точки зрения функциональной дифференциации, соотношения и взаимодействия близких, соотносительных, параллельных или синонимических средств выражения более или менее однородного значения, а также с точки зрения

¹ غیاس الدین م. غیاس اللغات. – کلکته، ۱۳۴۲. – ۲۶۸ ص.

² بهار م. (ملك الشعرا). سبک شناسی، چاپ دوم. – تهران، ۱۳۲۷. – جلد اول. – ۴۲۶ ص.

соответствия экспрессивных красок и оттенков разных речевых явлений» [2, 66].

Теоретическим вопросам лексикологии и фразеологии таджикского языка посвящены научные статьи, монографии и книги известного ученого-лингвиста Б. Камолиддинова («Услужиносӣ» («Стилистика»), 1973: 18-21; 1995: 54-58; «Хусни баён» («Культура речи»), 1992; «Сухандонон сухан санчида гӯянд» («Вопросы культуры речи»), 2005: 31; «Забони тоҷикӣ» («Таджикский язык»), 2009), в которых на примере художественных произведений, материалов прессы и живой разговорной речи автор описывает природу синонимов таджикского языка. Фундаментальный труд профессора Б. Камолиддинова «Синтаксическая синонимия в современном таджикском литературном языке» (синонимия субстантивных словосочетаний и простых предложений), 2012) является более новейшим серьёзным изысканием в сфере грамматической синонимии, где автор, анализируя ряд существующих научных работ, акцентирует своё внимание на теоретических вопросах синтаксической синонимии: критериях определения синтаксических синонимов, синонимии субстантивных изафетных, безизафетных и предложных словосочетаниях, синонимии структурных и функциональных типов простых предложений современного таджикского литературного языка.

Также в первой части учебника профессора Х. Маджидова «Забони адабии ҳозираи тоҷик. Луғатшиносӣ» («Современный таджикский язык. Лексикология», 2007) анализируется словарный состав и семантические категории современного таджикского литературного языка. Также уделяется внимание вопросу лексических синонимов, их дифференцирующим свойствам и разновидностям.

Научные исследования, посвященные фразеологии современного таджикского языка, появились лишь после публикации статей В. В. Виноградова³. Первые теоретические разработки в этой сфере, относятся к 40-50-м гг. Это отдельные заметки или описания некоторых устойчивых оборотов в трудах, посвящённых различным вопросам грамматики таджикского языка, свойствам стиля и языка отдельных писателей. Примером этого служат разработки известных исследователей таджикского языка А. Мирзоева, Д. Т. Таджиева, Н. А. Маъсуми, Ш. Н. Ниязи.

В работах, основанных на исследовании языка и стиля определённых поэтов и писателей, наряду с другими проблемами лексики, затрагивается вопрос синонимии. Авторами этих исследований являются Н. Маъсуми, Х. Хусейнов, Р. Гаффаров, Б. Камолиддинов, И. Хасанов, Х. Талбакова, С. Хашимов, А. Абдукадыров, Т. Шокиров, Р. Игамбердыев, Ш. Каримов, А. Давронов, Н. Хикматуллаев, Ш.

³Виноградов, В. В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке / В. В. Виноградов // Избранные труды. – М., 1977. – Т. 3: Лексикология и лексикография. – С. 140-161; Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины / В.В. Виноградов. Избранные труды: Лексикология и лексикография. – М., 1977. – С. 162-189;

Джуразаде, З. Мухторов, Ф. Неъматзода, Ш. Р. Буриев, Ш. И. Хаитова, К. Мухтори, Ю. Ш. Нурмахмадов, М. Джумаев, З. А. Назарова, З. Д. Курганов, С. Б. Джураева, Б. Шодиев, Н. Саидови многие другие. Труды некоторых вышеперечисленных авторов основаны на ранее разработанных исследованиях.

Многочисленные научные разработки таких учёных, как Н. Маъсуми, Р. Гаффарова, Х. Маджидова внесли весомый вклад в таджикское языкознание, и, благодаря именно их исследованиям, таджикская фразеология была признана самостоятельной частью языка. В частности, монография Н. Маъсуми «Очеркхо оид ба инкишофи забони адабии тоҷик» («Очерки о развитии таджикского литературного языка») способствовала изучению фразеологического фонда таджикского языка в стилистическом плане. Работа была посвящена языку и стилю основоположника современной таджикской литературы устода Айни (на материале повести «Смерть ростовщика»)⁴. Впервые на богатом языковом материале исследователь рассматривает природу фразеологических единиц таджикского языка, их структуру, национальный колорит, экспрессивность и образность, а также классифицирует их по структурному строю.

Известный лингвист, исследователь изафетных ФЕ и ряда других вопросов таджикской фразеологии С. В. Хушенова в своей монографии «Изафетные фразеологические единицы таджикского языка»⁵ ставит в основу такие критерии, как воспроизводимость в готовом виде, устойчивость структуры, целостность значения, утрата значений и грамматических свойств компонентов. Автором определено отношение изафетных фразеологических единиц к свободным словосочетаниям, сложным словам и терминологическим оборотам.

В монографии профессора Х. Маджидова «Фразеологияи забони ҳозираи тоҷик» («Фразеология современного таджикского языка») впервые определены признаки, объём, семантика, структура и источники ФЕ современного таджикского языка. Автором рассмотрены такие семантические явления, как полисемия, омонимия, синонимия, антонимия, паронимия, вариативность ФЕ.

В другом исследовании ученого – «Фразеологическая система современного таджикского языка» рассмотрены существующие теоретические разработки по таджикской фразеологии, обобщено её современное состояние и намечены проблемы её дальнейшего исследования. Этим же автором написана большая статья под названием «Фасоҳати сухан ва санъати интиҳоби маъноӣ дақиқ» (Красноречие и мастерство выбора точного значения), посвященная лексическим, фразеологическим, морфологическим и синтаксическим синонимам таджикского языка.

⁴Маъсумӣ, Н. Очеркхо оид ба инкишофи забони адабии тоҷик / Н. Маъсумӣ. – Душанбе, 2011. – 385 с.

⁵Хушенова, С. В. Изафетные фразеологические единицы таджикского языка / С. В. Хушенова. – Душанбе: Дониш, 1971. – 190 с.

В диалектологических исследованиях, в частности разработках Т. Максудова, М. Махмудова, Г. Джураева, З. Зайниддиновой, А. Захидова, Б. Бердиева, Б.А. Осимовой, П.О. Холова и других⁶ освещены вопросы лексики и фразеологии определенных говоров, где также встречаются интересные заметки по поводу лексических и фразеологических синонимов.

Особый интерес представляют разработки Ю. А. Рубинчика (по персидской фразеологии), Л. С. Пейсикова, Г. С. Голевой (по лексикологии и фразеологии персидского языка), Н. М. Шанского, В. П. Жукова, А. М. Бабкина, Ю. Д. Аapresяна, А. А. Брагиной, Д. Э. Розенталя, И. Б. Голуб, В. М. Мокиенко, Е. Н. Ермаковой (по лексикологии и фразеологии русского языка) и многих других.

Необходимо отметить, что языку и стилю некоторых произведений С. Айни посвящены научные труды Н. Маъсуми («Смерть ростовщика»), Х. Хусейнова («Одина»), М. Юсуповой (фразеология романа «Дохунда»), М. Холова (лексика романа «Дохунда»), Х. Турсуновой («Рабы») и др. Однако наличие вышеперечисленных работ не решает проблему лексических и фразеологических синонимов произведений писателя, так как исследуемый вопрос рассматривается эпизодически наряду с другими пластами лексики, то есть освещение и решение данной проблемы авторы не выносят в отдельную главу или хотя бы параграф. Давая толкование синонимам, использованным С. Айни, Н. Маъсуми уделяет внимание их смысловым оттенкам и даёт им пояснения одним из элементов синонимического ряда. Данный факт ещё раз доказывает актуальность исследуемой проблемы.

Изучив теоретическую базу по вышеупомянутой теме, нами впервые была сделана попытка исследования лексических и фразеологических синонимов прозы устода Айни в стилистическом плане.

Объект исследования. Диапазон изучения лексико-фразеологических единиц очень обширный. С. Айни уделяет внимание этой проблеме в своей публицистической, переводческой, редакторской, лексикографической и научной деятельности. Однако настоящая работа не охватывает материалы всех этих источников и автор, опираясь в основном на художественную прозу писателя, по необходимости обращается к ним. Основным объектом исследования является лексическая и фразеологическая, а также межаспектная синонимия художественной прозы С. Айни, в частности: «Чаллодони Бухоро» («Бухарские палачи»), «Одина», «Дохунда», «Фуломон» («Рабы»), «Мактаби кӯҳна» («Старая школа»), «Ахмади девбанд» («Ахмад – заклинатель дивов»), «Марги судхӯр» («Смерть ростовщика»), «Ятим» («Сирота») и «Ёддоштҳо» («Бухара»).

Предмет исследования – рассмотрение лексической и фразеологической семантики и их типов, разновидностей лексических и фразеологических синонимов, межаспектная синонимия, определение

⁶ Махмудов, М., Хоркашев, С. Феҳристи адабиёти шевашиносӣ / М. Махмудов, С. Хоркашев. – Душанбе, 2010. – 64 с.

причин применения того или иного слова и/или фразеологизма писателем, роль ФЕ в словообразовании.

Цели и задачи исследования. Исходя из актуальности исследования и степени изученности данной проблемы, основной **целью** диссертации является выявление тончайших смысловых оттенков слова и фразеологизма при описании и анализе лексических (ЛС) и фразеологических синонимов (ФС) и приёмов их употребления, а также синонимии слова и фразеологизма (межаспектной синонимии в том числе) в художественной прозе С. Айни с точки зрения в изучения индивидуального стиля писателя, его мастерства и умения при использовании этих единиц на родном языке.

Эта цель реализуется в процессе решения следующих **задач**:

- научно-теоретическое обоснование проблемы синонимии таджикского языка;
- выявление лексических и фразеологических синонимов на основе материала художественной прозы С. Айни;
- изучение проблемы фразеологической синонимии в таджикском языкознании;
- изучение индивидуального стиля писателя в области синонимии лексических и фразеологических единиц;
- проведение семантического и стилистического анализов лексико-фразеологической синонимии прозы С. Айни;
- определение степени синонимичности слов (между собой), слов и ФЕ, отфразеологических дериватов и ФЕ, ФЕ и ФЕ.
- выявление отфразеологических сложных дериватов и определение роли ФЕ в их образовании;
- проведение морфологического и синтаксического анализа сложных отфразеологических слов.

Методологическая и теоретическая база работы основывалась на фундаментальных исследованиях по лексикологии, фразеологии, грамматике и функциональной стилистике известных учёных-лингвистов Н. Маъсуми, Д. Т. Таджиева, В. В. Виноградова, Ю. Д. Апресяна, М. М. Мухаммадиева, Б. Камолитдинова, Х. Маджидова, Л. С. Пейсикова, Ю. А. Рубинчика, Ю.Е. Коркиной, Е.Н. Ермаковой и других.

Методы исследования. Общая методологическая база диссертации предопределяет использованные в ней следующие методы и приемы: описательный, лексико-стилистический, структурно-семантический, хронологический и компонентного анализа, которые позволили диссертанту достичь поставленных задач. А также при необходимости использован метод словарного толкования и количественного анализов. На основе этого для наблюдения, описания и сравнения лексического и фразеологического значений использовались ряд толковых, двуязычных и фразеологических словарей, перечень которых приведен в списке использованной литературы.

Научная новизна исследования заключается в выборе объекта исследования: впервые в таджикском языкознании предпринимается

попытка изучения лексических и фразеологических синонимов, мастерство писателя в использовании этих единиц языка на основе материалов художественной прозы С. Айни. В процессе исследования особенностей синонимичных слов и фразеологизмов определяется уровень богатства лексических и фразеологических ресурсов в творчестве писателя, выявляются причины превосходства лексической системы и устойчивых выражений его произведений, а также определяется роль ФЕ в производстве сложных отфразеологических слов, употребляющихся в одном контексте.

Теоретическая значимость работы состоит в том, что выводы по результатам данной работы можно будет использовать при дальнейшем исследовании лексической и фразеологической синонимии, разработке значений слов, в качестве дополнительных сведений в толковых и фразеологических словарях современного таджикского литературного языка, а также при сравнении аналогичных, ранее завершённых научных работ, для написания глав в тематических изданиях по таджикскому языкознанию, в частности, стилистике современного таджикского языка.

Практическая ценность исследования заключается в том, что выводы данного научного труда можно использовать при чтении лекций по лексикологии, фразеологии, стилистике, спецкурсов и спецсеминаров по языку современной печати, при исследовании произведений таджикских писателей и поэтов; в типологических разысканиях. По результатам диссертации можно составить практические пособия по лексикологии и фразеологии для вузов и средних школ, которые будут способствовать выработке профессиональных навыков и помогут в усовершенствовании владения языковыми ресурсами, а также фразеологический и синонимический словари прозы С. Айни. Интерпретированные материалы данной работы могут быть применены в теории и практике перевода.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Синонимичность лексических единиц напрямую связана с лексическим значением слова. Определённое значение слова способно вступать в синонимические отношения с аналогичным значением других терминов. Лексическое значение разделяется на: концептуальное, эмоциональное, модальное и указательное. В прозе С. Айни функционируют три первые разновидности.

2. Фразеологическая семантика также проявляется в трех разновидностях: собственно концептуальной, концептуально-образной и образно-обобщенной. Следует констатировать, что при проявлении фразеологической семантики наряду с концептуальными значениями прослеживаются также образность, эмоциональная насыщенность и модальность. Исходя из вышесказанного, лексические и фразеологические синонимы делятся на группы. Лексические синонимы бывают идеографическими, стилистическими и эмоциональными, а

фразеологические – концептуальными, концептуально-образными и образно-обобщенными.

3. Лексические синонимы в произведениях писателя использованы не только во избежание неуместных повторов, но и для точного выражения цели. Они уточняют мысль писателя, выявляют характерные черты персонажей, оценивают предмет или другие объекты, описываемые в произведении.

4. Использование лексических синонимов С. Айни свидетельствуют о мастерстве писателя и характеризуют его стиль. Писатель часто опирается на то значение слова, которое не зафиксировано в словарях, но бытует в таджикской классической литературе и разговорной речи. Им часто используется продуктивно-контекстуальное значение слова. Он нанизывает синонимы и пользуется всеми пластами лексики. В прозе писателя синонимичность проявляют такие слова, которые вне текста не имеют такого свойства.

5. В произведениях писателя синонимы поясняются синонимичными им словами, относящимися к различным пластам лексики, в том числе заимствованиям из других языков. Этим способом С. Айни знакомит читателя с предметами, событиями прошлого нашего народа, поясняя их словами, находившимися в употреблении в современном ему периоде развития таджикского языка. Подобного рода употребления слов-синонимов имеет свои причины, о которых говорится в диссертации.

6. С. Айни применял слова-синонимы в составе словосочетаний, где основные и зависимые компоненты проявляют синонимичность с аналогичными словосочетаниями. Подобные словосочетания встречаются и в других его произведениях, однако их компоненты заменены другими синонимами, так как писатель всегда стремился избегать повторов.

7. В прозе писателя наблюдается не только лексические и фразеологические синонимы, но и лексико-фразеологические. Такое применение синонимов способствует полному и точному выражению мысли. Несмотря на то, что фразеологизмы тесно взаимодействуют со словом, но между этими единицами наблюдается существенное различие. Лексическая единица выражает цель без какой-либо окраски, т.е. нейтрально, а фразеологическая образно, эффектно, ярко.

8. Стиль С. Айни при использовании ФЕ (в том числе фразеологических синонимов) разнообразен, так как писатель при их применении проявил себя как тонкий знаток родного языка. Он употребляет их порознь, последовательно, а так же с лексическими синонимами в составе. Изменяя состав ФЕ, он дополняет основное значение единицы.

9. Во фразеологических синонимах прозы писателя прослеживается проявление принципа экономии усилий или же языковой экономии. Этот принцип основывается на удобном использовании языковых единиц, а значит: а) переход звуков и созвучий, более трудных в более

лёгкие; б) упрощение форм (действием аналогии более сильных на более слабые); в) переход от конкретного к абстрактному.

10. В произведениях писателя наблюдается и межаспектная синонимия, т.е. синонимия на уровнях словообразования и фразеологии. Ряд сложных слов, выступающих в качестве синонима ФЕ, образованы на основе существующих в языке фразеологизмов, которые проявляют синонимичные отношения между собой.

Апробация результатов исследования. Материалы диссертации и основные положения исследования были изложены на республиканских (РТСУ: «Актуальные проблемы современного языкознания», АН РТ: «К юбилею Садриддина Айни») и научно-практических конференциях ТНУ («Устод Садриддин Айни и оригинальность таджикского языка» (2008-2018), «Молодёжь и мир знаний», «Завершению 10-летия грамотности ООН (2003-2012гг.): образование для всех», «Актуальные проблемы таджикской фразеологии» (2016)), «Актуальные вопросы синтаксиса» (2018) и других ВУЗов.

Основное содержание диссертации отражены в 2 монографиях и 15 научных статьях, опубликованных в журналах, рецензируемых ВАК РФ, перечень которых прилагается в конце автореферата. Отдельные положения диссертации апробированы при чтении лекций по курсу «Теория фразеологии таджикского языка», «Современный таджикский язык», «Практический курс по лексике и фразеологии таджикского языка», «Стилистика и культура речи».

Диссертационная работа была обсуждена на заседании кафедры стилистики и литературного редактирования ТНУ (протокол № 4, от 30 декабря 2016 года) и рекомендована к защите.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, четырёх глав, заключения и библиографии. Общий объем диссертации – 392 страница компьютерного набора.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **введении** обоснована актуальность избранной темы, отражена её научная новизна и практическая значимость, сформулированы цели и задачи исследования, названы основные источники работы, перечислены предмет и методы исследования, а также основные положения, выносимые на защиту, и дана структура диссертации.

Первая глава диссертации – **«Теоретические вопросы синонимии и позиция лексико-фразеологической синонимии в таджикском языке»** – состоит из трёх разделов.

В первом разделе – **«Степень изученности лексической синонимии в таджикском литературном языке»** – представляется широкий лингвистический обзор, в котором анализируются теоретические вопросы лексической синонимии. Анализ работ, посвященных этой проблеме, показывает, что в решении данного вопроса мнения специалистов и учёных расходятся. В связи с этим, изучение различных спорных и малоисследованных аспектов синонимии на основе богатого

литературного материала, такого как художественных произведений устода Айни, всегда своевременно, актуально и значимо. В 1960 г. в журнале «Вопросы языкознания» был опубликован материал, где особо подчеркивалась актуальность исследования литературного языка как проблема совершенно специфическая в теории современного языкознания. «Поэтому в ином аспекте представляется и специфика языка деловой прозы, публицистики, науки. В этой сфере первоочередной задачей является разработка более «объективной» истории, точной терминологии и стройной системы понятий. Частными проблемами изучения здесь являются: специфика языка поэзии, прозы, стилистика и стили речи, стилистическая дифференциация лексики, значение реалистической художественной литературы для развития литературного языка нового времени и т. д.»⁷.

Во втором разделе – **«Об изучении фразеологической синонимии в таджикском языкознании»** – анализируются научные работы, посвящённые проблеме фразеологических синонимов (ФС) таджикского языка, и определена позиция автора. Рассмотрены также работы русских исследователей. Следует отметить, что в определении ФС исследователи не придерживаются единого мнения, не усматривая различий между вариантами и синонимами; к этой категории ошибочно прикрепляются даже сложные слова, пословицы и поговорки.

В третьем разделе – **«Степень изученности лексико-фразеологических синонимов художественных произведений С. Айни в таджикском языкознании»** – исследуется степень изученности данной проблематики на материалах отдельных произведений писателя. Следует констатировать, что отдельные произведения писателя, в частности «Смерть ростовщика», «Одина», «Дохунда», «Герой таджикского народа – Темурмалик», «Рабы» с лингвистической точки зрения были исследованы Н. Маъсуми, Х. Хусейновым, М. Юсуповой, М. Холовым, Р. Гаффаровым, Х. Турсуновой, С. Аминовым. Также некоторые лексико-семантические, художественно-стилистические особенности ФЕ повести «Смерть ростовщика» и «Воспоминания»⁸ С. Айни и способы их передачи на русский язык исследовались автором этих строк (М. М. Мирзоевой). Однако, несмотря на наличие указанных работ, проблема лексической и фразеологической синонимии прозы писателя остаётся нерешенной.

Вторая глава диссертации – **«Лексические синонимы в художественных произведениях Садриддина Айни»**. Эта глава посвящена стилистическим вопросам лексической синонимии, индивидуальному стилю писателя при их использовании и включает в себя четыре раздела.

В первом разделе – **«Лексическое значение слова и его разновидность»** – рассматривается лексическое значение слова и его разновидность, так как лексическая синонимия подразумевает сходство

⁷ О перспективном плане наших языковедческих исследований на ближайшие годы / Вопросы языкознания. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. – №2. – С. 7.

⁸ В русском переводе С. Бородин «Ёддоштҳо» С. Айни называется «Бухара».

значения слова аналогичному значению другой лексемы. Лексическое значение слова подразделяется на: *концептуальное, эмоциональное, модальное и указательное*. В прозе С. Айни нами анализировались примеры по первым трем разновидностям.

Профессор Х. Маджидов следующим образом поясняет понятие *концептуальное значение слова*: «В нем (концептуальном – М.М.) в обобщенной форме отражен предмет и/или явления объективной действительности. Данный обобщенный образ предмета и других явлений объективной действительности в человеческом сознании создают *концептуальное* значение слова, в общей форме, выражающее логическое понятие» [8, 25]. К примеру, выражение «самого родного человека, родившего и воспитавшего» в слове *модар – мать*, «место рождения» в слове *ватан – родина*, «речь» в лексеме *сухан – слова*, «место хранения заключенных» в слове *хабс – тюрьма* и т.п. относятся к концептуальному значению слов: *Гулнор бо модари худ сари дуно нишаста, инҳо ҳам бо як қошуқ ба навбат мехӯрданд*[Дох., 110] – Гульнор со своей матерью сидели на корточках, и поочередно кушали одной ложкой; ... *оё сиҳат-саломат ба ватан мерасида бошад?*[Од., 233] - ... доедет ли благополучно до родины?; *Ман ин суханҳоро ба ту дар поёни гап аз рӯйи ёру бародари гуфтам*[Дох., 121] – Я сказал об этом тебе по товарищески в конце разговора; ... *аввал ўро бо ҳабси умрӣ, бо зиндон ва канахонаи Бухоро ва бо дору манори ҷаноби оӣ тарсондан даркор аст*[Дох., 123] – ... следует сначала припугнуть его пожизненным заключением, бухарской тюрьмой, виселицей и минаретом его высочества.

В концептуальном значении слова в большинстве случаев отражаются различные элементы образности, эмоциональности, субъективности. В качестве примера может выступить слово *мукофот – награда* в непрямом, отрицательном значении – «неуместные слова, ругательство». Данное слово функционирует в значении «награда», но в следующем примере выражает также отрицательные эмоции говорящего: ... *баъд аз он қӯшбеғӣ, раиси калон ва миришаб ҳам санг андохта, ҳар як ба «мукофоте» сарафроз гардиданд*[Ёдд., 4, 365] - ... после того кушбеги, председатель и миршаб, кинув камни, каждый получил по «награде».

В концептуальном значении слова отражена стилистическая соотнесенность слова: из синонимического ряда *рӯй, чеҳра, лиқо, ораз, симо, афт, андом, башара, сикка, суммот, шакл, шамоил* – *лицо* слово *рӯй* – общеупотребительное, равно функционирующее во всех стилях, *чеҳра, лиқо, ораз, симо, қиёфа, шакл, шамоил* – слова, принадлежащие письменной речи, *афт, башара, сикка, суммот* – разговорной речи.

Эмоциональное лексическое значение отражает различные стороны душевного состояния человека, в частности, радость, ненависть, удивление, печаль, волнение и т.п. Оно может выражать значение слова без какого-либо смешивания с концептуальным значением. Например, слова *офарин – молодец, боракалло – молодец, ҳайфо – жаль, афсӯс – жаль, шукр – благодарение* [Аллаху], *алҳамдулиллоҳ – слава аллаху, дарег*

– *жалъ* и т. п.: *Туркман ҳам аз натиҷаи кори Ятим хурсанд буд, гоҳо ўро бо «офарин» ва «боракалло» мемукофотонид*[Ятим, 389] – Туркмен был доволен работой Ятима и награждал словом «молодец»; *Мо бошем, шуқр, алҳамдулиллоҳ, хат дорем, савод дорем*[Од., 257] – А мы, слава аллаху, грамотные и можем писать.

Модальное лексическое значение выражает различные отношения субъекта к высказыванию, которые отличаются от их многообразных грамматических выражений. Модальные лексические значения не могут иметь номинативной функции: *Кошкӣ гурехта метавонист, шояд ба ягон ҷой кор меомад: ба ун дунё нигоҳ карда ҷуфтакро музоаф кардааст, яъне кушта шудааст*[Дох., 228] – Хорошо, если б, он просто убежал, по крайней мере, нашёл бы себе где-нибудь работу [?]. А то ведь у него пятки засверкали прямой дорогой на тот свет [Дох., 322];... *он ҳама дидагиҳояш хобу хаёл будаанд ...: аҷаб хоби хуш, турфа хаёли ширин*[Дох., 105] – Всё это он видел только во сне, и всё это было далеко от действительности. Но сон был чудесен, и сладки были мечты [Дох., 212].

Во втором разделе – «**Разновидность лексических синонимов**» – рассматривается разновидность лексических синонимов, и анализируется ряд примеров. Лексические синонимы разделяются на следующие группы: идеографические, стилистические и эмоциональные.

В третьем разделе – «**Стилистические признаки лексических синонимов**» – рассматриваются отличительные признаки лексических синонимов. Еще древние греки, пристально изучая синонимы, пришли к выводу, что именно в них заключается богатство языка: изобилие мыслей в словах и разнообразие выражений. Римские ученые осознали не только сходство слов-синонимов, но и различие между ними. Слова-синонимы не только обладают сходством, но и имеют определенные различия по следующим признакам: объём значения или количество лексических значений; грамматические особенности и устойчивое фразеологическое соотношение; широкий и узкий круг значений слова, т.е. смысловое соотношение; эмоциональная насыщенность; стилистическая окраска; временной оттенок; степень употребления. Также синонимы отличаются в плане словообразования и сочетаемости слов (устойчивостью и неустойчивостью) [3, 80-84].

В четвёртом разделе – «**Авторская индивидуальность употребления лексических синонимов в творчестве С. Айни**» – изучается индивидуальный стиль писателя в употреблении лексических синонимов, и анализируется большое количество примеров. Мастерство при выборе и использовании слова зависит от знаний и таланта поэта и писателя, что, безусловно, является верным признаком их наличия. Стиль Айни проявляется в индивидуальном подходе к выбору слова из синонимического ряда, и подтверждением тому являются его произведения.

1. Точное выражение цели. Одной из функций синонимичных слов является точное выражение семантики (уточнение). Данная функция проявляется в последовательном употреблении синонимов. Один из

излюбленных стилистических приёмов С. Айни является именно последовательное применение синонимов. В следующем примере он употребляет именные компоненты составных глагольных сочетаний с целью точной передачи мысли и конкретизации точки зрения персонажа. Например, прилагательные *хароб*(худой) и *афгор*(поврежденный) употреблены в качестве именной части составных глаголов, которые дополняют значение друг друга (это доказывает частица *хам – также*):

... *ба болои ин чоҳои қадам ниҳодаашонро хароб ва абгор хам карда мегузаранд*[Фул., 161] // ... вдобавок ко всему они разрушали всё, что попадалось на их пути.

Слово *хароб кардан* в этом примере использовано в значении «разрушать», которое отсутствует в слове *абгор кардан*. *Абгор*[от слова *афгор*] выражает состояние больного, раненного человека, но в разговорной речи соотносится и с другими предметами. В приведенном примере эти слова, сочетаясь с вспомогательным глаголом *кардан*, указывают на основной признак действия: *хароб кардан* – семантически содержит данный признак (разрушение) в некоторой степени, а *абгор кардан* – по семантике градации указывает на удвоенную степень данного признака. Это явление называется интенсивность выявления качества.

2. Взаимодополнение по значению синонимов. Синонимы не только уточняют, но и дополняют значение предыдущего слова-синонима. Данный приём даёт возможность выразить мысль в полном объёме. Например, слова *(бе)ист*((без) перерыва) и *(бе) дамгирӣ*(без) отдыха) являются синонимами в значении «выполнить что-л. без передышки»:

... *Раҳими Қанд, ки ягона навозанда буд ва то нимаи шаб бе иства бе дамгирӣ танбӯрнавозӣ кард* ...[Марг.суд., 22] // Рахим Канд, который был единственным музыкантом, без перерыва и отдыха играл в тамбур.

Хотя синонимы *(бе)ист* и *(бе) дамгирӣ* выражают одно общее значение, они не могут заменить друг друга в контексте, так как *бе дамгирӣ* имеет значение «без отдыха», которое отсутствует в сочетании *бе ист* (*без перерыва*). Обе слова широкоупотребительные и относятся к нейтральной лексике. Слова *ист*(пауза) и *дамгирӣ*(отдых) являются существительными и предлог *бе* указывает на образ действия. Упомянутые слова дополнили значения друг друга.

3. С. Айни приводит синонимы в составе словосочетаний, в которых главные и зависимые слова соотносятся между собой. Во всех теоретических работах, посвященных вопросу синонимии, говорится об использовании синонимов во избежание неуместного повтора. Но, по мнению профессора Б. Камолиддинова, «изящный» – это качество блестящего мастера слова, а «изящность» – основа ясности речи. Другими словами, «изящность» – один из признаков усовершенствования красноречия, тесно связанное, соответственно, с вопросами лексической синонимии, различием семантических оттенков, стилистическими особенностями синонимов, со способами выбора и использования слов из их ряда. Поэтому в тексте художественного произведения последовательное использование слов с одинаковым

значением не всегда объясняется стремлением избежать повтора слов» [4, 31]. Устод Айни применяет синонимы в составе словосочетаний, с учётом лексико-семантического соотношения главного и зависимого компонентов. Этим способом писатель демонстрирует интенсивность выражения признака:

Шиддат(сила, интенсивность) // *гоят*(предел, крайняя степень) // *ниҳоят*(крайняя степень, предел); *Андӯҳ*(горе, печаль, грусть, тоска) // *алам*(горе, печаль, страдание, боль) // *маъюсӣ*(отчаяние, утрата надежды).

Лекин мо гумон намекунем, ки ўро ба ин наздикиҳо хоб бурда бошад, танҳо шиддати андӯҳ, гояти алам ва ниҳояти маъюсӣ ўро ба ҳолате овардааст, ки бинанда гумон мекунад, ки хоб аст[Од., 312] // Однако мы не думаем, что она спала в последнее время, только сила горя, крайняя степень печали и предел отчаяния привели её в такое состояние, что любой увидевший примет её за спящую.

Слова *шиддат*, *гоят* и *ниҳоят* обозначают крайнюю степень эмоционального состояния человека. Синонимы *андӯҳ*, *алам*, *маъюсӣ* точно определяют то положение, в котором находится персонаж. Она не знает, что ей делать, с кем поделиться горем и тоской и как жить дальше в этом, жестоком мире, поскольку её возлюбленный Одина пропал без вести, а единственная опора её жизни – Биби-Айша (его бабушка) скончалась.

Если в вышеприведенном примере главные и зависимые слова двух изафетных оборотов проявляли синонимичность между собой, то в следующем предложении главное и зависимое слова являются синонимами: ... «*магар қалтабони киштидузд омад*» *гӯён аз ҷояш ҷаста хеста аз хонаи сиёҳ баромад* [Ятим, 387] // «– *Неужели пришли воры? Они могут увести лодку*» *подумал он и, вскочив, выбежал из юрты*[Ятим, 59]. Писатель не довольствуется одним лишь способом описания и пытается найти различные выразительные средства(В исходном тексте *қалтабони киштидузд* употреблено в единственном числе, но в переводе - во множественном (*воры*)).

В этом случае писатель придерживается двух принципов: как говорили наши предки и как употребляется в народе. Синонимичные отношения главных и зависимых компонентов наблюдается и прозе классического периода. К примеру, в «Чор дарвеш» («Четыре дервиша»): *пайки ачал – пайгоми марг*(весть о смерти).

4. Ещё одна особенность индивидуального стиля писателя заключается в том, что он опирается на то значение слова, которое не зафиксировано в толковых словарях, но широкоупотребительно в разговорной речи. Благодаря этому приёму, речь персонажа становится более живой и естественной. Например, в следующем примере устод Айни употребляет слово *кор*(дело), которое распространено в разговорной речи в значении «случай, происшествие» и это значение не зафиксировано в толковом словаре «Фарҳанги забони тоҷикӣ». В этом значении это слово встречается также в творчестве наших предков (к примеру, у Фирдоуси):

*Агар ягон **кор** шавад, фардо ба хешу таборҳои Аҳмад чӣ ҷавоб мегӯем?* [Аҳм., 27] // *Если что-нибудь **случится** с ним, мы будем в ответе перед родственниками Ахмада* [Аҳм., 146].

Данное слово в повести «Бухарские палачи» употреблено в значении «убить, убийство»:

*Дар он рӯзҳо ҷаллодон рӯзона бо куштани якчанд нафар ва шабона бо бор карда додани ҷасади онҳо аз **кор** фориғ шуда фарогат мекарданд*[Ч. Б., 28] // В эти дни палачи, днем убивая несколько человек и ночью погружая их тела, освобождались от работы и отдыхали.

Вышеупомянутое слово *кор* в контексте применено в значении «выход», которое также широко пользуется в разговорной речи:

*Аробакаш:– Ана гап ин-дия, «гараз аз тушбера гӯит хӯрдан аст» гуфтаанд, як **кор** карда борро ба Ситорамаҳхоса бурда фурурем, шудагеш, **коре** шавад, ки бор ба манзил расад*[Дох., 222] // Арбакеш: – Вот это разговор, как говорят: «в пельменях главное – это мясо», а для нас главное как-нибудь [любим способом] довести товар до Ситорамоххоса, нужно сделать так, чтобы товар оказался на месте.

Таджикское слово *кор* и арабское *машгулият* являются синонимами в значении «работа, занятие». *Кор* – широко употребляется во всех стилях языка и в разговорной речи в том числе, и имеет обширный круг значений. *Машгулият* – книжное слово и имеет только одно значение – «занятие». Поэтому эти слова не могут заменить друг друга в различных контекстах:

*Дар ин айём ... ягона **машгулияти** деҳқонмардон гӯзакашӣ, ҳаллоҷикунӣ ва бофандагӣ буда, **кори** деҳқонзанон пахтасозӣ, пагатобӣ, ресандагӣ ва найчаандозӣ буд* [Аҳм., 14] // В это время года ... единственным занятием деҳкан являлась очистка гузы от шелухи, отделение волокна от семян на ручном станке да тканье маты. Женщины занимались разбивкой ваты, пряли и наматывали нитки на шпульки для заправки в челнок[Аҳм., 137].

В следующем примере писатель употребляет слова положительного значения – в противоположном смысле. С. Айни намеренно переключает значения слова или выражения в его противоположность. Арабское слово *мукофот* (награда) первоначально значило «вознаграждение за доброе дело или возмездие за зло». На современном этапе развития языка это слово обозначает «государственную награду, премию», однако в следующих примерах оно сходно со словами *дашном*(ругательство, ругань, брань) и *ҳақорат*(ругань, брань, оскорбление):

*Мо аз ароба намефуроем ва туро бо аробаи худат ба пеши ҷаноби шариатпаноҳӣ – қозикалон бурда даъвои **ҳақорат** мекунем*[Ёдд., 4, 341] // С арбы мы не сойдём, а тебя вместе с твоей арбой отведём к верховному казию, «убежищу шариата», и расскажем о твоей *ругани* [Бух., 241]; ... *аввалин **дашноми** болохонадори аробакаширо ӯ ба тарзи «мукофот» гирифт*[Ёдд., 4, 365] // ... получил в ответ первое крепкое *ругательство* арбакеша [Бух., 257]; ... *баъд аз он чор нафар муллои даъвогар ҳам як – як*

санг андохта, «мукофоти» муносиби худро ёфтанд[Ёдд. 4, 365] // Затем один за другим бросили камни четверо мулл – истцов. И тоже получили свою долю ругательств [Бух., 257].

Арабское слово *хақорат* и таджикское *дашном* являются синонимами в значении «ругань, брань, ругательство». Оба – употребительные слова и имеют негативный оттенок. Слово *хақорат* также обозначает «унижение, оскорбление», но данный смысловой оттенок не наблюдается в слове *дашном*. В связи с этим, они не всегда являются взаимозаменяемыми.

5. Нанизывание синонимов. Устод Айни использует несколько синонимов в одном предложении. Последовательное употребление синонимов даёт возможность писателю не только точно описать состояние предмета, но и сопоставить его с управляющей системой периода, описываемого в произведении и, таким образом, дать реальную оценку происходящему:

4-уми марти соли 1917 (ба ҳисоби кӯҳна) буд. Чархҳои завод бо губчак – гарданаҳои хӯрдашуда, бо дандонаҳои судашуда ва бо тасмаҳои фарсудаи худ монанди идораҳои ҳукумати подшоҳӣ базӯр мегаштанд[Од., 228] // 4-ое марта 1917 года. Колеса завода со своими протёртыми губчаками, стёртыми зубцами и изношенными ремнями едва крутились, подобно управлению царского правительства (пер. автора).

Устод Айни, используя последовательно три синонима – *хӯрдашуда* (протёртый, стёртый), *судашуда* (стёртый), *фарсуда* (стёртый, изношенный) с общим значением «старый, изношенный», сопоставляет их с «гнилым» строем царского правительства, который находился на грани разрушения. Происхождение всех трёх синонимов – таджикское. Однако они не могут взаимозаменяться в контексте, так как слово *хӯрдашуда*(протёртый) сочетается со словом *гардана* (губчак), а *судашуда*(стёртый, изношенный) обычно соотносится со словом *либос*(одежда; *либоси судашуда* – изношенная одежда; *дандонаҳои судашуда* – стертые зубцы). Из этого ряда слово *хӯрдашуда* – общеупотребительное, а *фарсудаи судашуда*– книжные, все они имеют отраслевой характер, так как чаще употребляются в технической литературе. Данный контекст служит доказательством того, что язык прозы С. Айни является одним из источников технических терминов, которые выражены синонимическим рядом.

6. Пояснение слов-синонимов. Писатель очень внимательно относится к выбору слов. Причинами столь осторожного отношения к этой проблеме являются опасения за принятие или непринятие этого слова народом, за вхождение его в словарный состав языка, соответствие данного слова нормам литературного языка. Именно поэтому, выбирая слова, С. Айни приводит их толкование и во многих случаях это лексические синонимы, относящиеся к различным пластам лексики. Писатель также принимает во внимание степень восприятия своего читателя, и поэтому во всех своих произведениях он даёт толкование –

перевод слов русского, тюркского, арабского и европейского происхождения. Например, таджикское слово *занг* и русское *звонок*:

Ин кӯбача барои амирон вазифаи занг – звонокро адо мекард [Фул.,59]
// Это колотушка выполняла для эмиров функцию звонка.

Слова *кӯбача* [колотушка] и *занг*[колокольчик, звонок] имеют общее значение: «предмет, при помощи которого стучат в дверь». *Звонок* – русское слово, обозначающее «колокольчик, звон, звонок, звук, шум». Причина сопоставления этих слов состоит во времени действия предмета. Термин *кӯбача* использовался до революции, *занг* принадлежит послереволюционному периоду. Для верного восприятия современниками сути предмета писатель поясняет эти слова русским *звонок*⁹.

7. Контекстуальные синонимы. В произведениях С. Айни проявляют синонимичность слова, не имеющие таких свойств в принципе – эти свойства наблюдаются только в контексте. Такой способ выбора слов имеет непосредственную связь с живым народным языком. Писатель с уважением относился к жемчужинам народного разговорного языка и часто использовал их в своих произведениях. Так, писатель для выражения значения «побеждённый» использует слова *зан* (женщина, баба) и *рӯбоҳ*(лиса), а в значении «победитель» употребляет *мард*(мужчина, мужик) и *шер*(лев), тем самым делая речь персонажа содержательной и яркой:

... ҳозир маълум мешавад, ки кӣ зан, кӣ мард, кӣ шер, кӣ рӯбоҳ [Ахм., 27] // *Сейчас выяснится, кто женщина, а кто мужчина* [Ахм., 145] // Сейчас выяснится, кто выиграл, а кто проиграл, кто сильный, а кто слабый (пер. автора).

Это не случайный подбор слов, так как они исходят от ФЕ *шер ё рӯбоҳ?*(лев или лиса? // выиграл или проиграл?). Данное выражение используют при выполнении какой-либо работы, при сделках и т.п. и после их завершения у исполнителя спрашивают: *Шер ё рӯбоҳ?* Выиграл или проиграл? Повезло или нет? Удалось или не удалось?

8. С целью недопущения повторов С. Айни пользуется единицами различных пластов лексики – литературной, разговорной, диалектной и заимствованной. Так, для выражения значения «радость» применяет слова *хурсандӣ*(радость, веселье) и *шодмонӣ*(веселье, радость). *Хурсандӣ* – слово нейтральной лексики, *шодмонӣ* – чисто литературное. Следовательно, первое – широкоупотребительное слово, встречающееся в письменной и устной речи, второе – малоупотребительное:

Акнун хурсандии Ятимро поёне набуд, дили хурдтараки ӯ, ки аз ҳамон қадар торикии пуразобу уқубат ба ин рӯшноии мӯъҷизанамои пурроҳат расида буд, шодмониро ба худ гунҷонида наметавонист[Ятим, 399] // Теперь радость Ятима была безграничной, его маленькое сердце, пережившее темноту страданий и терзаний (тяжелые страдания) и

⁹ С. Айни почти во всех своих произведениях наряду с исконно таджикскими (и арабскими) словами использовал русско-интернациональную лексику с определенной целью, хотя эти слова и термины не заимствованы таджикским языком и не соответствуют его норме.

мучения, достигнув чудесного света, не могло вместить в себя эту радость (букв.).

В этом контексте не только посредством слов *хурсандӣ* и *шодмонӣ*, но и с помощью глагола *поён набуд* (не было конца) и словосочетания *ба худ гунҷонида натавонистан* (не мочь вместить), антонимических выражений *торикии нуразобу уқубат* (букв. темнота страдания и терзания) и *рӯшноии муъҷизанамои пурроҳат* (чудотворный просвет), которые созвучны одно другому, ярко описано состояние необычайной радости персонажа.

В синонимах отражаются **социально-экономические отношения** различных социальных групп. В повести «Смерть ростовщика» синонимы *фоида* и *рибо* (польза) в полемике наиба и дехканина по имени Шодмон передаётся следующим образом:

– *Тақсир!* – *гуфт Шодмон, – ман дар муддати ҳамин се сол фоидаи пули Арбобро ...*

– *«Фоида» нагӯй, «бадали иҷораи замин» гӯй, чунки аз рӯйи шарият қозӣ ва ноиби он даъвои фоидаи пулро, ки «рибо» буда, шарият додугирифтӣ онро манъ кардааст, намекурсад. Бинобар ин дар васиқа бадали иҷораи замин навишта шудааст, – гуфта ноиб сухани Шодмонро тасҳеҳ кард* [Марг. суд., 128].

– Почтенный! – сказал Шодмон, – я на протяжении этих трех лет проценты от денег Арбаба...

– Не говори «процент», а говори «взаем за аренду земли», потому что по шариату казий и его заместитель не будут рассматривать иск о проценте денег, так как это взятка, а шариат запретил его брать и давать. Следовательно, на васике написано взамен аренды земли, – сказал наиб, уточняя слова Шодмона.

Ключевое понятие ростовщичества – **процент** – *фоида*, в этом же значении употребляется слово *танзил* (процент), более того суть ростовщичества писатель передаёт через иносказательную фразу:

«Ғараз аз тушбера – гӯшит хӯрдан» гуфтаанд, хоҳ фоида гӯяд, хоҳ танзил, мақсад он аст, ки болои даҳ танга моҳе як танга зиёд мешавад [Од., 196] // Как говорят: «В пельменях главное – это мясо», как бы не называли *фоида* (процент) или *танзил* (процент), суть в том, что каждые десять таньга в месяц увеличиваются ещё на одну таньга.

9. Ещё одна **особенность** синонимов, встречающихся в прозе писателя в том, что некоторые из них в период жизни С. Айни не имели отрицательный оттенок значения, а приобрели лишь впоследствии. Другими словами, наблюдения показывают, что стилистическая окраска слова может с течением времени подвергаться изменению. Так, происходит, например, со словом *башара* (рожа), которое в то время имело нейтральное значение, а на современном этапе приобрело отрицательную окраску:

Аз башарои пирамард аломати маъюсӣ намоен буд [Фул., 14] // Во внешности старика проявлялось отчаяние; *Аз башарои он зани куҳансоле, ки ўро чеғ зада буд, аломати андеша намоен мешуд* [Фул., 35] //

Лицо той старой женщины, позвавшей его, было задумчивым. *Як ҷавони тахминан 20-сола, ба сараи як саллаи кӯҳнаи нимтибит, ба танаи як куртаи карбоси дарида, аз рӯйи курта як ҷомаи тики пахтадори ҷигда-ҷигдашуда... ки аз башараи (?) андешамандӣ намоён буд, ба хаёл фуру рафта, дар гӯшаи аз бошишигоҳи мардум дуртар менишаст...* [Дох., 6] // Один юноша лет двадцати, лицо которого казалось озабоченным, погрузившись в раздумья, сидел на краю далеко от обители людей. На его голове полупуховая старая кошма, на теле рваная рубашка из карбоса, поверх рубашки изодранный тиковый ватный халат (пер. авт.).

Таким образом, столь щепетильный вопрос подбора слов и выражений решался у устода Айни следующим образом: если, по его мнению, читатель воспримет, поймёт, оценит выбранное им слово, в этом случае он в последующих изданиях оставлял его, в противном случае – отказывался от этого слова и искал другой вариант. Писателю важно мнение читателя, он уважает его. Следует констатировать, что стиль писателя изящен и неповторим. Его произведения – «Одина», «Смерть ростовщика», «Дохунда», «Бухара» (Воспоминания), «Рабы» и т.п. – имеют богатый источник выразительных средств, при помощи которых образно и красноречиво описывается объект художественного произведения. Сам автор старался избегать однообразных описаний и выражал мысли точно, ярко, целенаправленно и выразительно. Писатель всегда стремился соблюдать норму литературного языка в употреблении языковых единиц, сохранить его экологию, не упуская из виду сокровищницы живого разговорного языка и не допускать при этом такого, когда: «писатель использовал трудновоспринимаемые вещи и факты, требуя от читателя изучения его языка». Он придерживался той позиции, что «писатель должен писать настолько просто и общедоступно, чтобы каждому читателю было понятно его произведение; помимо этого его творения должны соответствовать языковым правилам и быть яркими и интересными» [1, 230-239].

Третья глава диссертации – **«Фразеологические синонимы в художественных произведениях Садриддина Айни»** – состоит из четырех разделов.

В первом разделе – **«Фразеологическая семантика и её разновидность»** – исследуется разновидность фразеологической семантики.

ФЕ подобно лексическим единицам имеют особую семантику. Фразеологическая семантика – это целостно-обобщенное значение, вытекающее из суммы значений составных компонентов ФЕ. «Значение, на которое направлен фразеологический знак, и есть фразеологическая семантика» [7, 106]. Она в зависимости от своего характера проявления разделяется на: а) собственно концептуальную, б) концептуально-образную и в) образно-обобщенную.

Собственно концептуальные значения ФЕ, как и лексическое значение слов, напрямую выражают предмет или явление объективной действительности, хотя характер этого отображения и степень

абстракции у концептуальных значений фразеологизмов отличается от их лексических эквивалентов. Отличие лексического значения от фразеологического концептуального отражается в целостности и низкой степени абстрактности последнего [7, 122]. В следующих примерах концептуальное значение ФЕ вытекает из суммы значений её элементов: *Ба болои ин доду фарёд, оху фигон, гиряву зориш бачагон гӯё боми мактабро ба ҳаво мебардошт* [Мак.кӯх., 55] – От криков, воплей, стонов и плача, казалось, крыша поднимается в воздух [Ст. шк., 155]; ... *номи аслии ӯ тамоман аз хотирҳо фаромӯш гардид, ҳатто худаш ҳам номи аслии худро аз ёдаш баровард*[Ятим, 349] – ... а настоящее имя все, даже он сам, забыли[Ятим, 32].

В большинстве случаев концептуальное значение фразеологизма проявляется с определенной степенью образности. Это концептуально-образное значение ФЕ, которое выражается в образности, эмоциональной насыщенности и оценочности, выступающие в качестве составных элементов фразеологического значения. Всё это в совокупности способствует более своеобразному и наглядному отражению объективной действительности. Это можно проследить в многозначных ФЕ, которые отличаются не только смысловыми оттенками, но и степенью образности. К примеру, ФЕ *гардан додан* (букв. *отдать шею – согласиться*) может охватывать следующие значения:

1. «согласиться»:– *Шумо ки, – гуфт акаам ба ӯ, – худатонро калон мегирифтед, ҳеҷ касро назаратон намегирифтед ва аз рӯфта тоза кардани ҷойи хоби худатон ор мекардед, чӣ навъ шуд, ки ба ин кори паст гардан додед?* [Ёдд., 3, 141] // – Вы, - сказал мой брат ему, - считали себя важным, не признавали никого и стеснялись убирать свою комнату, как это так, что согласились на такую низкую работу? 2. «сдаваться, уступать»: *Агар Махдум аз китфи мо ҳам гузаранд, ман дар ҳамон вақт ба ин кас гардан медиҳам*[Ёдд., 3, 223] – Если Махдум перепрыгнет через наше плечо, то я тогда уступлю ему (сдамся).

ФЕ *гардан додан* за исключением концептуального значения выражает определенную степень образности. Иногда в отдельных значениях многозначного фразеологизма затемняется концептуальный смысл, и его место занимает образность. Например, ФЕ *аз саратон гардам*[да буду я вашей жертвой], которая используется в выражении лести, имеет такую особенность:

– *Хӯшачинӣ, гардам аз саратон, бойбача, хӯшачинӣ! Кори одами бечора хӯшачинӣ аст; – Ин аберааш, гардам аз саратон, – гуфт Қорӣ дар ҳолате ки даҳонаш пури ош буд ва суханаи базӯр фаҳмида мешуд* [Марг. суд., 43] – Это сбор колосьев, да буду я вашей жертвой (провалиться мне), бай, сбор колосьев! Занятие бедного человека – сбор колосьев; - Это правнук, да буду я вашей жертвой, - сказал Кори, когда его рот был забит пищей и едва ли слышались его слова [пер. автора].

Образное значение ФЕ не указывает на концептуальное понятие, а выражает различные стороны душевного состояния человека – эмоции, согласие, представление, размышления и т. п. Подобные моменты не

отражают непосредственно реальный объект, а являются результатом субъективной оценки говорящего. Несмотря на это, этот тип фразеологического значения остаётся устойчивым и приемлемым элементом системы языка [7, 124]. Например, ФЕ *Худоё Худовандо!* – О боже! (обращение к богу) охватывает образное значение:

– «*Худоё Худовандо, зинда гардонидани баъд аз миронидан ҳақ аст ва рост аст, лекин ҷой дорад-дия*» [Ёдд., 1, 48] – «О боже, воскрешение после смерти существует на самом деле, однако имеет своё место [не до такой степени]».

Итак, концептуальные, концептуально-образные и образно-обобщенные значения и закономерность их существования в единстве составляют систему фразеологической семантики. Фразеологическое значение как основной признак инвариантности ФЕ определяет природу других его систем – грамматических знаков и форм.

Разновидность фразеологических синонимов рассматривается во **втором** разделе этой главы. В зависимости от проявления фразеологической семантики они разделяются на: *концептуальные, эмоциональные и модальные*.

Собственно концептуальные ФЕ выражают значение без каких-либо окрасок. В большинстве случаев целостно-обобщенные значения фразеологизмов вытекают непосредственно из суммы значений их составных компонентов. Например, *ҳаққи қалам – гонорар, занбӯри асал – пчела, худ ба худ – сам по себе, соли нав – новый год, ангушти шиорат – указательный палец, номаи камол – аттестат, роҳи оҳан – железная дорога, қабат ба қабат – наслоение* и т. п. выражают предметы реального мира в обобщенной форме (без каких либо окрасок – нейтрально). Фразеологические синонимы *ба роҳ даромадан – идти в путь* и *қадам гузоштан* указывают на концептуальное значение «ходить», *симою сурат – внешность* и *шаклу шамоил – внешность* на «внешний вид человека» и т.д.: ... *ҳар гоҳ ки монеа бартараф шуда, он рафиқ ба роҳ дарояд, они дигар ҳам соявор баробар қадам мегузошт* [Ёдд., 3, 246] – ...каждый раз, когда препятствия устранялись и друг отправлялся в путь, другой подобно тени шел рядом с ним.

Эмоциональные ФЕ выражают различные человеческие отношения и эмоции, такие как радость и печаль, любовь и ненависть, безответственность, равнодушие и т.п. Например, во ФЕ *доди касе ба ҷое нарасид* «чью-либо жалобу никто не слушает», во фразеологизме *абру хам нахӯрд* лежит эмоциональное значение «не переживать за кого-л., не обращать внимание на чьё-л. трудности, быть равнодушным», во ФЕ *аз як гиребон сар баровардан* – соответствующему значению «быть единоголосным» и *муштро ба як ҷо задан* – «быть единомышленником» и т.д.: *Соҳиби тӯй ... як одами бечораи кафшдӯз буда, додаш ба ҷое намерасид* [Ёдд., 3, 227] // Хозяин, бедный сапожник, беззащитный человек ... [Бух., 4, 227] // Хозяин свадьбы был бедным сапожником, с которым никто не считался;

Или же во фразеологических синонимах *хонаи касе сӯхт* (у кого-то беда) и *ҷони касе ба лаб омад* (быть в отчаянии), *хун хӯрдан* (страдать, мучиться) и *алам кашидан* (печалиться, горевать) кроется эмоциональное значение «беда и психологическое состояние человека».

В **модальных ФЕ** отсутствует концептуальное значение, так как они представляют собой различные модальные моменты, т.е. отношение субъекта к высказыванию. Подобное отношение субъекта является кратковременным. Например:

– *Ин чӣ бедодист?* Мусулмонӣ тамоман барҳам хӯрдааст, вой дод, эй! [Марг. суд., 156] – Что за бесправие! О-о! Горе нам, горе, пропала мусульманская вера, нет её больше! [См. рост., 118].

В третьем разделе анализируется структура фразеологических синонимов прозы С. Айни. Эта часть работы называется «**Индивидуальный стиль писателя в употреблении фразеологических синонимов**» и делится на три подраздела: первый – «**Синонимичные фразеологические предложения**», второй – «**Синонимия фразеологических словосочетаний**», третий – «**Синонимия фразеологических сочетаний**». Анализ фактического материала прозы С. Айни наглядно показал, что среди структурных типов ФЕ в качестве синонима продуктивнее выступают глагольные словосочетания. Прослеживаются также фразеологические предложения и сочетания. К примеру, синонимичность двух фразеологических сочетаний:

... *ӯ ба кайфу сафои худ машғул буд*[Ч. Б., 17] // ... он был занят прожиганием жизни; *Лекин айшу нӯиҳое, ки амир дар он шабҳо гузаронида истода буд, афсӯс ки ба ин ташбеҳи мо ҳам роҳ намедод*[Ч. Б., 18] // Однако, удовольствия и гулянья, которые проводил эмир в те ночи, не поддается нашему сравнению.

Синонимичность словосочетания со словосочетанием:

Азбаски ӯ қувваи ҳофизаи баланд дошт, бо як мутолиа мазмуни мундариҷоти он китоб дар ёдаш мемонд ва шеърҳои дилчасп, ҳарчанд дароз бошанд ҳам, айнан ба хотираш нақш баста мемонданд[Ёдд., 3, 214] // Отличная память помогала Хайрату крепко усвоить прочитанное. Прочитав книгу, он на всю жизнь запоминал её содержание, а наизусть знал множество стихотворений, написанных самыми различными поэтами [Бух., 3, 161].

ФС *дар ёд мондан* и *ба хотир нақш бастан* использованы для того, чтобы подтвердить и подчеркнуть отличную память поэта Хайрата и воздержаться от повтора фразеологизма.

Синонимичность фразеологических предложений:

Гулсум ... димогаи чоқ шуда, кайфаи боло гирифта буд[Фул., 141] // У Гульсум поднялось настроение, и она повеселела; ... *бо намудор шудани комсомолон ва пионерон ... табиати хитишудаи ӯ кушода шуд* [Фул., 510] // ... с появлением комсомольцев и пионеров её испорченное настроение изменилось.

Димоги касе чоқ шуд обозначает хорошее настроение человека, а *кайфи касе боло гирифт* усиливает это значение. Первый фразеологизм

употребляется чаще в повседневной речи, а последний свойствен письменной речи. Во втором примере ФЕ *табиати касе кушода шуд* имеет значение «улучшение плохого настроения». Эта ФЕ в разговорной речи употребляется в форме *табъи касе кушода шуд*.

Несмотря на то, что ФС обозначают один и тот же предмет объективной действительности, они отличаются друг от друга смысловыми оттенками, семантическими, лексико-грамматическими и стилистическими свойствами.

Необходимо отметить, что в формировании фразеологических синонимов немаловажную роль играет многозначность ФЕ. Многозначные устойчивые единицы языка одним своим значением проявляют синонимичность одной ФЕ и другим значением синонимизируются с другим фразеологизмом. Например, ФЕ *чашии пӯшидан* (закрывать глаза) обозначает такие значения: 1] спать; 2] проявлять безразличия; 3] умереть. Первым значением это ФЕ проявляет однозначность с ФЕ *хоб рафтан* (спать), *дароз кашидан* (лежать), вторым значением с ФЕ *худро ба нодонӣ (нофаҳмӣ) задан* (притворяться незнающим, прикидываться глупым), третьим синонимизируется с рядом ФЕ – *аз дунё рафтан*, *аз олам гузашитан*, *бандагиро ба чо овардан*, *аз дунё реҳлат кардан*, *ба асфалассофилин рафтан*, *ҷуфтакро музоаф кардан*, *ба макони абадӣ рафтан*, *бо тир паридан*, *рост ба ҷаннат рафтан* (уйти в мир иной, желать долго жить, попасть прямо в рай // умереть) т.п. (см. в таблицу).

ФЕ	Значения ФЕ	Фразеологические синонимы
<i>Хун хӯрдан</i> (пить кровь – букв. // мучиться, изводиться)	1] испытывать трудности, мучиться	<i>(Бори) азоб кашидан // мучиться</i>
	2] сильно горевать	<i>Гам хӯрдан // горевать</i>
<i>Ақлу ҳуши касеро бурдан</i> (унести ум и разум у кого-л. – букв. // свести с ума)	1] сводить кого-либо с ума	<i>Касеро аз ақл бегона кардан // сводить с ума</i>
	2] очаровать кого-то, влюбить в себя кого-либо	<i>Дили касеро бурдан // дили касеро ба даст овардан // взять чьё-л. сердце на руки // влюбиться</i>

В результате исследования богатого материала художественных произведений писателя нами также были **выявлены** следующие немаловажные особенности:

1) Писатель употребляет ФС отдельно. Как показывают наблюдения, фразеологические синонимы обозначают один и тот же предмет объективной действительности, но одни из них по значению не равноценны, другие имеют различия в значении или в стилистическом употреблении. На основании этого факта они не могут быть заменяемы в одном и том же контексте. Но ФЕ *толеи касе тохт* и *бахти касе кушода*

шуд со значением «кому-то посчастливилось и повезло», могут заменить друг друга, так как других различающих значений не имеют:

1... *агар толеъ тозаду* *ӯ ба он дилбари дилором восил шавад, бо ду танга як шиша атри аъло аз Бухоро харида оварда ин камбудии вайро ислоҳ кардан мумкин буд* [Ёдд., 2, 103] // Если судьбе угодно (повезёт) и он сойдётся со своей любимой, он привезет из Бухары самые лучшие духи на две танга и исправит этот её недостаток; 2. *Дар ин миён бахти Абдуфаттоҳ кушода шуда, касе духтари нӯҳсолаширо ба бадали ҳазор танга ба ӯ таклиф кард* [Ёдд., 3, 93] // Между тем счастье улыбнулось Абдуфаттаху, и кто-то предложил свою девятилетнюю дочь за тысяча танга.

В словарном составе ФЕ *толеи касе тохт* отсутствует слово *асп (конь)* – *аспи толеи касе тохт* и в ФЕ *бахти касе кушода шуд* слово *дар (дверь)* – *дари бахти касе кушода шуд*. Это явление универбации (языковой экономии). Слова *толеъ* и *бахт* в значении «счастье» являются лексическими синонимами.

2] В прозе писателя встречаются фразеологизмы, которые в составе имеют лексические синонимы, такие как: *ба хаёл фуру рафтан* (задуматься) и *ба андеша афтодан* (задуматься), *сухани касеро буридан* (перебивать) и *миёни гапи касеро шикастан* (перебивать), *ба гап даромадан* (начинать говорить) и *сухан рондан* (говорить), *толеи касе тохт* (посчастливилось и повезло) и *бахти касе кушода шуд* (посчастливилось и повезло), *димоги касе чоқ шуд* (поднялось настроение) и *кайфи касе боло гирифт* (поднялось настроение), *дар ёд мондан* (запоминаться) и *ба хотир нақиш бастан* (запоминаться), *афсӯс хӯрдан* (горевать) и *ҳасрат кашидан* (горевать) и т.п.

Необходимо отметить, что лексические синонимы наблюдаются не только в составе ФС, но и чаще встречаются во фразеологических вариантах. Каждый ФС имеет особое значение, присущее только ему, и не даёт возможности заменить его другим синонимом. Но во фразеологических вариантах ситуация несколько иная. Несмотря на наличие лексических синонимов, варианты ФЕ не различаются в семантическом плане, и каждый писатель или поэт имеет возможность создать другой вариант ФЕ, соответствующий его цели, при этом, не разрушая его как самостоятельную единицу языка.

ФЕ *сухани касеро буридан* и *миёни гапи касеро шикастан* со значением «прерывать кого-то» будучи ФС, имеют в своём составе лексические синонимы *сухан* (слово, речь) и *гап* (слова; речь; беседа, разговор):

– *Эй, аной! Пеш аз савор шудани асп чакакаширо бо як чилбур маҳкам мебасти, намешуд? – гӯён Маҷиди қаҳқашонӣ сухани Ҳайдарчаро бурид.*

– *Миёни гапро нашикан! ... Минбаъд ҳамин тавр хоҳам кард, – гуфта Ҳайдарча ба Маҷид ҷавоб гардонд* [Ч.Б., 26-27].

–Эй, простофиля! Перед тем как садиться на коня, нужно было завязать ему рот чембуром.

– Не прерывай! Впредь сделаю так, – ответил Хайдарча Маджиду (пер. автора).

Обе фразеологические единицы встречаются и в литературном языке, и в живой разговорной речи в разных вариантах. Например: *гани касеро буридан, ба миёни гани касе даромадан*. Слова **сухан** и **ган** различаются стилистической окраской и сферой употребления. Первое слово относится к художественному и публицистическому стилям, а второе широкоупотребительно, как в книжном стиле, так и в разговорном. Вышеупомянутые фразеологизмы имеют отрицательную эмоциональную окраску, так как обозначают резкое негативное действие – на это указывают глаголы **буридан**(резать, отрезать) и **шикастан**(сломать). Между словом **сухан** и глаголом **буридан** нет никакой связи, однако со словом **ришта** такая связь имеется: *риштаи буридан*. Следовательно, полная форма этого фразеологизма такова: *риштаи сухани касеро буридан*[прервать нить разговора, значит, прервать кого-то]. Во «Фразеологическом словаре таджикского языка» М. Фазылова наряду с другими фразеологизмами существует оборот *риштаи чизеро буридан* (12, 893), что подтверждает наши выводы.

3) Устод Айни нанизывает фразеологические синонимы, разные по лексическому составу. Например: *Дунё ба чашии касе сиёҳу торик шуд* (потемнело перед глазами)– *бадани касе чун барги бед ларзид* (дрожать как осиновый лист)– *осмон ба сари касе ба гардидан даромад* (небо закружилось над головой)(в общем значении «сильно расстроится»), *хонаи касе сӯхт*(попал в беду)– *ҷони касе ба лаб омад* (кто-то в отчаянии), *хун хӯрдан*(сильно переживать, терзаться, мучиться)– *алам кашидан* (опечалиться); *осмон омада ба замин намечаспад* (ничего не произойдёт)– *дунё вайрон намешавад* (ничего не случится); *рангаиш канд* (побледнел)– *чун барги бед ларзид*(дрожит, как осиновый лист); *чашии пӯшидан*(закрыть глаза навсегда // умереть)– *аз дунё гузаитан // аз дунё рафтан* (уйти в мир иной)– *ҷуфтакро музоаф кардан* (умереть)– *ба макони абадӣ рафтан* (велеть долго жить)– *ҷон додан* (отдать душу // умереть; *ба но хестан* (*бархестан*)(восставить)– *сар бардоштан* (восставить); *чашии касе мош барин гардид* (сильно удивиться)– *даҳанашон калӯшкӯҳна барин кушода шуда монд*(раскрыть рот // удивиться) и т. п.

Нанизывание синонимов часто порождает **градацию**, в которой каждый следующий синоним усиливает значение предыдущего:

*Вақте ки садои суруд бозмеистод, нолаи найи чӯпонӣ мувофиқи зарби ҳамин суруд бо як тарзи ҳазинона баланд шуда **дилҳоро мехарошид, цигарҳоро об мекард** ва баданҳоро меларзонид*[Фул., 130] // *Когда прерывалась песня, сходный с ритмом этой песни раздавался грустный стон пастушьей дудочки, слушая которую сердце обливалось кровью и разрывалось на части*.

ФЕ *дили касеро харошидан* (расстроить кого-то) и *цигари касеро об кардан* (терзать, мучить) являются синонимами в значении «сильно расстроиться, опечалиться». *Цигари касеро об кардан* обозначает «мучить, терзать кого-то» [12, 636]. Изначальная форма этого

фразеологизма – *цигари касеро хун кардан*, но писатель, опираясь на контекст и исходя из особенностей своего стиля, создал этот вариант. Таким образом, выбор слов писателями обусловлен особенностями их индивидуального стиля и оценить выбор автором того или другого синонима можно только при рассмотрении данного текста на фоне всего произведения или даже всех произведений этого автора.

Дили касеро харошидан употребляется в значении «расстроить кого-то». Оба ФС часто встречаются в разговорной речи и употребляются как *дилу цигарамро об кард* (*обу адо кард, хӯрд, хун кард* – расстроил, измучил). Устод Айни, употребив последовательно эти ФС в одном тексте, точно описывает душевное состояние персонажа.

4) В произведениях С. Айни фразеологические антонимы иногда проявляют синонимичность, при этом один фразеологизм имеет утвердительную форму, а другой отрицательную. Например, фразеологический антоним *чаши дӯхтан* (устремить взгляд) – *чаши кандан* (отрывать глаза) в следующем тексте синонимизируются, благодаря отрицательному префиксу *на-*: *чаши дӯхтан* и *чаши накандан*. *Чаши дӯхтан* обозначает «пристально смотреть», *чаши накандан* – «не отрывать взгляд, смотреть пристально»:

Ин ҳолати бой ба зоге монандӣ дошт, ки як чаширо ба устухон ё ба дигар чизҳои хӯрдани худаш дӯзад, чаши дигариро аз сайёд намеканд[Фул., 112] // Он напоминал грача, глядящего одним глазом на соблазнительную кость, а другим – на опасного охотника[Рабы, 84]; *Танҳо ман будам, ки дар берунтари маърака истода, як чаширо ба бозӣ дӯхта бошам ҳам, чаши дигариро аз дар намекадам* [Макт. кӯх., 78] // Лишь я, стоявший поодаль от поля битвы, хотя и смотрел одним глазом на птиц, другим глазом не отрывался от двери[Ст. шк., 172].

Следует подчеркнуть, что такой способ употребления фразеологизмов наблюдается только в произведениях устода Айни. Такой способ употребления ФЕ с одинаковым повторяющимся компонентом обусловлен тем, что повтор слова «чашм» (глаза) притягивает внимание.

5) Устод Айни в своих произведениях употреблял такие фразеологические единицы, которые брали своё начало из разных жизненных перипетий. Он изменял не только форму ФЕ, но и, добавив новое слово в её состав, усиливал её значение. Это явление можно наблюдать на примере *аз одамгарӣ баромадан* (выйти из человечности // выйти из человеческого облика). В состав этого фразеологизма писатель вводит словочлн (*обложка*), благодаря чему выражение мысли становится более проникновенным:

Ман дар умри худ якум бор дар он чо дидам, ки одам бо тарбияи бад ва одатҳои ваҳишона чӣ навъ аз чилди одамгарӣ баромада, аз ҳайвоноти дарранда ҳам бадтар мешудааст[Ёдд., 4, 366] // Я увидел впервые в своей жизни, как человек с плохим воспитанием и дикими привычками, теряя человеческий облик, становится хуже дикого зверя.

Слово *чилд* имеет смысловое соотношение со словами *болиит* (подушка; *чилди болиит* – наволочка), *китоб* (книга; *чилди китоб* – обложка), но в сочетании со словом *одамгарӣ* приобретает переносное значение. В разговорной речи встречаются ФЕ *аз чорчӯбаи одамгарӣ баромадан* (выйти за рамки человечности // терять человеческий облик), *аз кӯчаи одамгарӣ нагузаштан* (не переходить человеческой улицы // терять человеческий облик, человечность, гуманность). ФЕ *аз чилди одамгарӣ баромадан* новый вариант фразеологизма *аз одамгарӣ баромадан*. По нашему мнению, при употреблении этого фразеологизма наблюдается языковая экономия, так как слово *одамгарӣ* [человечность] – абстрактное существительное и не имеет никакой смысловой связи с глаголом *баромадан* (выйти), в то время как со словом *чилд* и у этого глагола такая связь существует. Писатель путем сравнения усиливает основное значение ФЕ.

В другом отрывке понятие «терять человеческий облик» выражено оборотами *аз инсоният дур шудан* (отдаляться от человечества), *табиати сагона гирифтан* (принимать собачий облик):

Ин корро фақат касе карда метавонад, ки тамоман аз инсоният дур шуда табииати сагона пайдо карда бошад [Ёдд., 4, 378] // Это дело рук тех, которые отдалились от человечества и приняли собачий облик (потеряли человечность и опустились низко, до дикости).

Оборот *аз инсоният дур шудан* также подвержен принципу экономии усилий. В его составе отсутствует слово *доира* (круг) – *аз доираи инсоният дур шудан* (отдалиться от человеческого круга // быть безчеловечным).

В этом же произведении писатель использует синоним этих оборотов – *аз дараҷаи одамият тамоман фууромадан* (снизиться в человеческой степени // терять человеческий облик), *ба мартабаи гову харӣ қарор гирифтан* (быть наравне с животным (коровой и ослом)):

... агар инсон аз дараҷаи одамият тамоман фууромада, ба мартабаи гову харӣ қарор нагирифта бошад, аз будани он гуна «соқӣ» дар базми худ шарм медорад [Ёдд., 4, 525] // ... если человек не потерял человеческий облик и не опустился до степени животного, он постыдился бы такого «виночерпия» на своём пиру.

Становится очевидным, что один из излюбленных приёмов писателя – это путем сравнения подчеркивать и усиливать основное значение ФЕ.

б) Один из любимых приёмов С. Айни при использовании ФЕ – одновременное употребление фразеологизма и простого синтаксического обычного оборота, которые имеют аналогичный компонент. При этом сравнивается прямое и переносное значение этих выражений. Например: Бабр (тигр) 1. прямое

Мехезад [1. встаёт; 2. восстанет]

Мардум ба по [народ на ноги]

2. переносное

ФЕ *ба по хестан* (*бархестан*) и *сар бардоштан* в значении «восставать против кого-то» проявляют синонимичность в разных

текстах. Такой подход к синонимам помогает писателю избегать повторов. При всей своей многофункциональности синонимы способны не только разнообразить речь, но и внести тонкие смысловые и стилистические оттенки в оформление высказывания:

Агар мардум монанди бабре, ки аз хоби дароз гурусна монда мехезад, ба но хезад, дар он вақт ҳоли онҳо аз ҳоли саги дайду ҳам бадтар мешавад[Фул., 286] // Если народ восстанет подобно проголодавшему тигру, проснувшегося от долгого сна, то их положение станет хуже бродячей собаки (ему не сдобровать); *Бесарупоёни гушнапурзӯр, ки дар аввалҳои инқилоб монанди занбурӯғоне, ки дар зери борони пуртӯфони баҳорон аз рег мерӯянд, сар бардошта бошанд ҳам, маҷбур шуданд, ки боз сари худро ҳам кунанд ва дар андак вақт монанди пуфакҳои бодҳои баромада пуч шуда мондаанд*[Фул., 318] // Все эти босяки, что вначале было вылезли, как грибы, теперь притихли, попрятались, опять опустили головы[Рабы, 222].

В первом примере писатель с большим сочувствием описывает жизнь простого люда, сравнивая состояние народа, восставшего против зла и угнетения, с сильно проголодавшим тигром, а врага – бродячей собакой. Хотя тигр, отведав кусок лакомства, успокаивается – взъяренный народ успокоить нелегко. Во втором предложении состояние бедняков сравнивается со сдувшимся шаром.

Богатство и выразительность фразеологических синонимов в таджикском языке предоставляет неограниченные возможности для их целенаправленного отбора и уместного употребления в речи. Наблюдения показывают, что устод Айни – мастер использовать синонимические богатства родного языка. Писатель, работая над языком своих произведений, придает особое значение синонимам, которые делают речь точной и яркой. Из множества близких по значению единиц писатель использует только те, которые в данном контексте являются наиболее оправданными. Айни, выбирая из целого ряда синонимов нужную единицу, даёт читателю реальную возможность ощутить и прочувствовать всю сюжетную линию (ситуацию).

ФС обычно служат для избежания повторов, но в произведениях писателя они выполняют различные функции, как то: дополнение семантики друг друга, уточнение, оценка предмета и/или события и др.

Четвертый раздел – «Синонимия лексических единиц с фразеологизмом в художественной прозе С. Айни» – посвящен синонимии лексических единиц, равных с фразеологическими единицами по значению и начинается с анализа некоторых научных изысканий, затрагивающих данную проблему, после чего анализируется ряд примеров из творчества писателя. Относительно данной проблемы можно перечислить некоторые заметки таджикских ученых-лингвистов Б. Камолиддинова, Х. Маджидова. В русском языкознании подобные явления всегда привлекали внимание исследователей-фразеологов, таких, как В.В. Виноградов, А.М. Бабкин, В.П. Жуков, А.В. Жуков, Р.Н. Попов, В.М.Мокиенко, В.Л. Архангельский, Ю.П. Солодуб, М.И.

Сидоренко и многие другие. Теоретики перевода Я. И. Рецкер, А. В. Федоров и другие исследователи также выразили свою точку зрения относительно данного вопроса.

Так, по мнению профессора Б. Камолиддинова, лексико-фразеологическая синонимия «...как неотъемлемая часть богатства языка предоставляет широкую возможность выбирать и использовать необходимые слова и выражения, и способствует точному, верному и обаятельному выражению мысли» [3, 91].

Место и степень употребления лексико-фразеологических синонимов и способы их применения в стилях речи не однозначны. Они чаще употребляются в художественном стиле, где учитываются тонкости значения слова. Исходя из вышесказанного, следует также убедиться в том, что в художественной и публицистической речи возможно употребление лексических и фразеологических синонимов одновременно. Богатая лексическая и фразеологическая синонимия позволяет писателям из множества сходных единиц выбирать наиболее точные, подходящие.

Из наблюдений над художественными произведениями С. Айни следует, что в его прозе во избежание неуместных повторов в одном предложении или контексте вступают в синонимические отношения не только лексические и фразеологические единицы, но и данные единицы в контексте могут выражать одно и то же понятие, т.е. слово и фразеологизм могут синонимизироваться. К примеру, понятие «умереть» выражают такие лексико-фразеологические синонимы типа: *мурдан // вафот кардан // фавтидан // аз дунё гузаитан // бандагии Худоро ба чо овардан, аз дунё рафтан // ба асфалассофилин рафтан* (умереть, уйти в мир иной) и т.д. С. Айни прибегает к этому способу в двух целях: во-первых, во избежание неуместных повторов и, во-вторых, для точного, полного описания и эмоционального, образного выражения мысли.

Мурдан // ба асфалассофилин рафтан выражают понятие «умереть» грубо, вульгарно, с негативной эмоциональной окраской, *вафот кардан // фавтидан // аз дунё гузаитан // бандагии Худоро ба чо овардан, аз дунё рафтан* (эвфемизмы) с положительным оттенком. Например:

– *Магар ба шумо хабари аз дунё гузаитани модаркалонамро нарасонданд? – гуфта пурсид Мурод аз бой дар чавоби ӯ.*

– *Расонданд, аммо чӣ шудааст, як кампир мурд, мурд-дия, бо зуд рафтани ту магар ӯ зинда мешавад?* [Ятим, 35].

– Разве вам не сообщили о **кончине** моей бабушки? – спросил Мурад у бая.

– Сообщили, ну и что с того, **умерла** так, умерла какая-то там старуха, если ты быстро пойдёшь, что она воскреснет?

Фразеологизм *аз дунё гузаитан* выражает почтительное отношение положительного героя к ушедшей из жизни. В речи бая используется другая лексема, которая выражает негативную оценку персонажа к происходящему и звучит грубо.

Как известно, одним из продуктивных средств, способствующих синонимичности различных пластов языка является полисемия.

Подчеркивая это, ученый Х. Маджидов пишет: «Следует отметить, что многозначные фразеологические единицы каждым своим значением могут соотноситься с отдельным лексико-фразеологическим синонимом и проявить множество возможностей употребления. К примеру, фразеологическая единица *чаим нӯшидан* (закрыть глаза // спать) своим первоначальным значением «спать» имеет синонимическую связь с такими выражениями и словами, как *дароз кашидан*, *ба хоб рафтан*, *хоб кардан*, *хуфтан* и т.д» [9, 110]. Также в тексте художественного произведения фразеологические единицы проявляются в различных смысловых оттенках, или же приобретают новое значение, которое не зафиксировано толковыми словарями. Например, в следующем примере понятие «взгляд» («нигоҳ») выражено различными словами и выражениями:

Аҳмади Дониш бо диққат он рақамҳоро аз назар мегузaronид. Гоҳо ба соат нигоҳ карда баъд аз он ба осмони соф, ки дар вай моҳи пурра нур мепошид, чаим медӯхт. Як вақт забонаш гирифта-гирифта: «Ба-ба осмон ни-нигаред», - мегуфт ӯ. Ҳама ба осмон нигаристанд [Ёдд., 234].

ФЕ *аз назар гузаронидан* обозначает «рассмотреть по порядку (слева или справа), проверить». Это выражение в сочетании со словом *бодиққат* (внимательно) приобрело оттенок значения «внимательно, пристально рассматривать». Словосочетание *чаим дӯхтан* имеет значение «целенаправленно смотреть в одну точку» (в необъятном пространстве неба на луну). С. Айни с целью точного выражения мысли в промежутке двух ФЕ применяет глагол *нигоҳ кардан* (смотреть): *аз назар гузаронидан – нигоҳ кардан – чаим дӯхтан*. Глагол *нигоҳ кардан* и *нигаристан* являются синонимами, которые использованы, чтобы избежать повтора. Данная конструкция в переводном тексте трансформирована в лексические синонимы: *просматривать – подглядывать – всматриваться*:

Ахмад то внимательно просматривал эти цифры, то быстро поглядывал на часы, то всматривался в чистое небо, где светила полная луна. Вдруг он выговорил:

– П-пос-посмотрите на н-н-небо [Бух., 176].

Следует отметить, что в толковых и переводных словарях в процессе интерпретации иногда слово объясняется фразеологизмом, и наоборот, а также фразеологическая единица толкуется фразеологизмом, что в другой раз доказывает актуальность изучаемой проблемы: *Вспомнить* (слово) – *ба ёд овардан* (фразеологизм); *байза дар кулоҳ шикастан* (ФЕ) – опозорить (слово); *кор омад кард* (ФЕ) – повезло (слово); *ба лаб кулӯх молида гаштан* (ФЕ) // не раскрывать рта – *держатъ язык за зубами* (ФЕ) и т.д. Писатели в стилистических целях аналогичным способом применяют слово и ФЕ отдельно и/или в одном контексте (предложении). Например, характеризуя Коришкамбу, писатель в отношении его применяет слова *хасис*, *мумсик* (скупой, жадный) и ФЕ *чирки дандонхӯр* (скаредный, очень жадный).

Другими словами, лексико-фразеологические синонимы в большинстве случаев составляют целый синонимический ряд. Например: *ҳасад бурдан // оби даҳони касе рафт // дар отаиши раишк печидан (завидовать)*. Этот синонимический ряд писатель применяет с целью точного описания состояния героя:

*Қоришшамба ин фоидан калонро шунида **оби даҳонаш мерафт** ва ба судхӯрони деҳа **ҳасад бурда дар отаиши раишк монанди мӯйи отаишдида ба худ менечид** [Марг. суд., 88] // Услышав о высоком проценте, у Коришшамба потекли слюнки и, от зависти к деревенским ростовщикам, он извивался, как сгоревшие волосы.*

В данном контексте лексико-фразеологические синонимы описывают состояния героя. В начале, услышав о высоких доходах, его охватывает чувство зависти, затем у него появились жадность и ревность, которые его заставили извиваться, как сгоревшие волосы. Эта мысль доказывается применением компаративного выражения *монанди мӯйи отаишдида // как сгоревшие волосы*.

Лексико-фразеологические синонимы выражают интенсивность выявления качества или признака. Так, фразеологизм *аз таҳти дил* (от всего сердца) и слово *самимона* (искренне) подчеркивают эмоциональное отношение героя:

*Файзибой дар охири ин таассуроти худ **аз таҳти дил ва самимона дар вафоти Аҳмади Дониш афсӯс хӯрда гуфт** ... [Ёдд., 4, 401-402] // Искренне сожалея о смерти Ахмада Дониша, Файзибай так закончил свой рассказ [Бух., 4, 278].*

Следует отметить, что в процессе анализа художественного произведения невозможно рассмотреть врозь лексико-фразеологическую синонимию, так как совместно они составляют ряд синонимов, обозначающих одно общее понятие. К примеру, *монда кардан* (утомлять) – *аз кор баровардан* (выводить из строя); *гуфтан* (говорить) – *гап задан* (разговаривать) – *сухан рондан* (выступать); *куштан* (убить) – *ба сари касе об рехтан* (погубить кого-л.), *фарзанд* (дитя) – *нури дида* (свет очей // дитя), *гурусна мондан* (проголодаться) – *намак начашидан* (не пробовать соли // проголодаться) и т.д.:

*– Мирзо! – гуфт Ашӯр ба бой нигоҳ карда, - мо дирӯз боз **намак начашидаем**. Бачаи бечора **гурусна монад**, чӣ кунад? Ночор ягон луқма ош ё гӯштро хӯрда бошад, хӯрдагист, бо ин осмон омада ба замин намечаспад ё ки дунё вайрон намешавад [Фул., 112-113] // – Мирзо! – посмотрев на бая, сказал Ашур, - мы со вчерашнего дня даже соли не отведали (воду в рот не брали). Если бедный ребёнок проголодался, как ему быть? Ну и съел, наверно, ложку плова или кусок мяса, что с того. Из-за этого небо не свалится на землю и мир не разрушится.*

Поскольку лексико-фразеологическая синонимия выражает предмет и его признак, положение и события, она играет важную роль в раскрытии той или иной стороны морально-материальной жизни человека. Так, и в вышеупомянутом примере эти единицы достаточно точно демонстрируют положение раба в доме бая. В данном примере

слова персонажа завершаются фразеологическими синонимами *осмон омада ба замин намечаспад ё ки дунё вайрон намешавад* (небо не упадёт на землю и мир не разрушится // ничего не случится), что делает его речь сильнее и эффектнее.

Подобного рода примеры довольно часто встречаются в прозе писателя [см. в таблицу № 3].

Таблица № 3.

Виды синонимов		
Синонимические единицы	Лексическая	Фразеологическая
	<i>Маглуб нашудан</i> (не проиграть)	<i>гати касеро нахӯрдан</i> (не быть побежденным)
	<i>Фарзанд</i> (дитя)	<i>нури дида</i> (свет очей // дитя)
	<i>Хаёл кардан</i> (думать)	<i>дар фикри касе, чизе афтодан</i> (думать о ком-л. или о чем-л.)
	<i>Андеша кардан</i> (задумываться)	<i>дар дарёи фикру андешаҳои гамовари бепоёне гӯтавар будан // дар фикри чизе будан</i> (погружаться в раздумье)
	<i>Куштан</i> (убить)	<i>хуни ноҳақ рехтан</i> (убить невинного)
	<i>Монда кардан</i> (утомлять)	<i>аз кор баровардан</i> (вывести из строя)
	<i>Сабр кардан</i> (терпеть)	<i>дандон ба дандон мондан</i> (терпеть, стиснув зубы)
	<i>Самимона</i> (искренне)	<i>аз таҳти дил</i> (от всей души)
	<i>Нагуфтан</i> (не говорить, не произносить)	<i>лаб накушодан</i> (не раскрывать рта), <i>ба забоннаёвардан</i> (не произносить)
	<i>Гурриш кардан</i> (рычать)	<i>наъра кашидан</i> (рычать, кричать)

Наблюдения показывают, что писатель иллюстрирует лексико-фразеологические синонимы в целом тексте отдельно или в одном предложении последовательно. В целом абзаце они имеют различную эмоционально-экспрессивную окраску и в большинстве случаев выполняют уточняющую функцию или же употребляются во избежание ненужных повторов. В случае нанизывания в одном предложении они подчеркивают цель писателя, выполняют дополняющую, оценочную функцию.

Фразеологические единицы образные, эффектные выражения, их лексические синонимы нейтральны в плане экспрессивности. Хотя фразеологизмы и слова имеют общность в значении, нельзя считать их равными или же абсолютными, так как слова равнозначные фразеологизмам всегда могут заменить их, однако ФЕ не всегда имеют такую возможность. Фразеологическая семантика по сравнению с лексической имеет свою специфику: фразеологизму свойственно гораздо сильнее эмотивный, оценочный, образный компоненты, чего лишены слова. Я. И. Рецкер в своём капитальном труде «Теория перевода и переводческая практика» относительно синонимии лексических и фразеологических единиц, их взаимозамене в контексте отмечает: «... фразеологические аналоги, как правило, почти не имеющие исключений,

отличаются от своих лексических соответствий стилистической окрашенностью и экспрессивным зарядом» [11, 156]. Несмотря на это, такой способ употребления единиц языка даёт писателю возможность осуществить свои стилистические намерения.

В четвёртой главе диссертации – «**Синонимия отфразеологических дериватов и фразеологических единиц в художественных произведениях С. Айни**» – мы поставили перед собой задачу изучить отфразеологические дериваты в структурном и семантическом плане, наглядно продемонстрировать роль ФЕ в словопроизводстве и проанализировать собранный материал, в котором в качестве синонимов выступают ФЕ и сложные слова, образованные на их основе.

Следует отметить, что русское языкознание имеет богатый опыт в исследовании проблемы отфразеологического словообразования. Данную проблематику рассмотрели и продолжают рассматривать в своих работах такие ученые, как М.А.Алексеев, Н.Ф.Алефиренко, Т.П.Белоусова, А.М.Бушуй, Е.Н.Ермакова, В.М.Мокиенко, А.В.Петров, Р.Н.Попов, Г.А.Селиванов, Е.В.Сенько, М.Б.Ташлыкова, Л.А.Чиненова, Н.М.Шанский, В.К.Янцен и многие др. Точка зрения исследователей сходится в том, что отфразеологические дериваты возникают в результате слияния (*агглютинация* от лат. *agglutinatio* – приклеивание, склеивание) компонентов или же вычленения одного из компонентов (импликация) ФЕ.

Все вышеприведенные авторы единогласны в том, что фразеологические единицы являются одним из продуктивных словопроизводящих баз языка и этим способом образованы сложные слова, относящиеся к именам существительным, прилагательным, глаголам и наречиям.

Проблема отфразеологической деривации непосредственно связано с ономаσιологией. «Ономаσιология – теория номинации..., противопоставленный семасиологии по направлению исследования от вещи или явления к мысли об этой вещи, явлении и к их обозначению языковыми средствами. Данная часть семантики занимается вопросами номинативной техники и способами формирования единиц номинации разного уровневоего статуса, разной протяженности и структуры, а также неодинаковых по способу представления действительности в знаках языка: карета скорой помощи – скорая» [6, 345]. В работах таджикских исследователей Ф. Амоновой и С. Ганиевой уделяется внимание именно на проблему деривационной ономаσιологии и словообразовательной семантике сложных слов таджикского языка (см. на ссылку).

В таджикском языкознании в некоторых научных трудах, посвященных словообразованию, рассматривая и анализируя словообразование самостоятельных частей речи (имя существительное, прилагательное, глагол, наречие), в разделе сложных и трехкомпонентных слов иногда в качестве эмпирического материала используются отфразеологические дериваты, и указывается, что источник их возникновения являются простые синтаксические

словосочетания и составные формы слов (сочетания). Иными словами, данная проблема в таджикском языке является нерешенной. Отдельные труды, посвященные отфразеологической деривации, отсутствуют. В работах Ш. Рустамова, С. Халимова, К. Шукуровой, Х. Маджидова, Б. Камолиддинова содержатся заметки относительно вышеуказанных сложных слов и во фразеологическом словаре М. Фазылова, словообразовательном словаре Ш. Бобомуродова и А. Муминова¹⁰ зафиксирован ряд подобных слов. Однако, за исключением Х. Маджидова, Б. Камолиддинова, С. Ганиевой, Ф. Амоновой ни один из вышеперечисленных авторов не выделяет производящую основу (т.е. ФЕ) этих единиц языка.

Необходимо констатировать, что писатель в публицистической и художественной прозе употребляет огромное количество отфразеологических дериватов. В настоящей работе нами сделана попытка впервые на богатом фактическом материале художественных произведений С. Айни исследовать синтаксические особенности, морфологическую соотнесенность сложных отфразеологических дериватов, роль грамматических средств в их образовании и, наконец, выражаемую ими семантику, и самое главное – их синонимические отношения с ФЕ, которые являются их образовательной основой.

В синтаксическом плане мы разделили отфразеологические слова на две группы в зависимости от способов связи: 1. Сложные слова, сформированные от словосочетаний подчинительного типа; 2. Сложные слова, образованные от сочетаний с сочинительной связью.

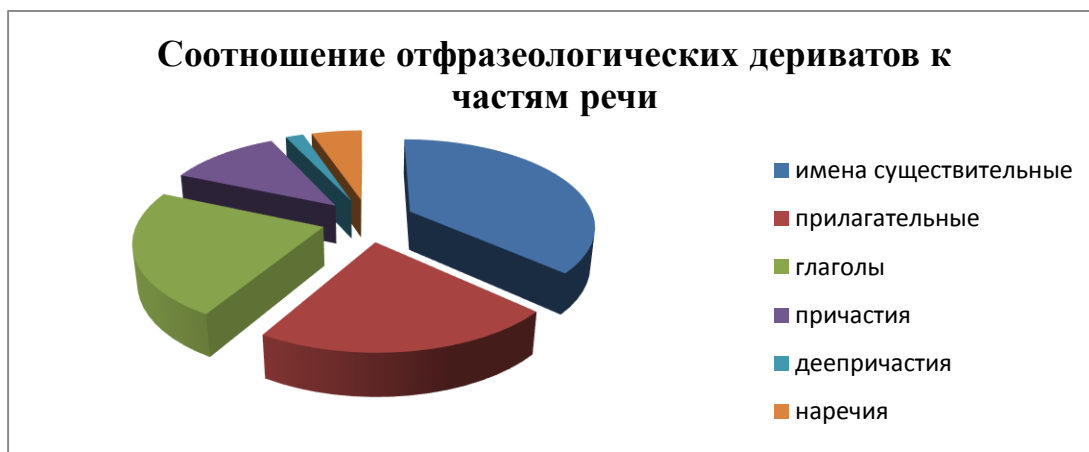
Первая группа в зависимости от способа связи сформированных сложных слов нами классифицирована на три группы:

1.1.1. Отфразеологические дериваты, образованные из изафетных ФЕ (ИФЕ). В образовании этой группы сложных слов наблюдаются три формы (модели) их существования. 1.1.2. Отфразеологические слова, образованные на основе управления. 1.1.2.1. Послелоговая форма управления. 1.1.2.2. Предлоговая форма управления. 1.1.3. Отфразеологические слова, образованные на основе примыкания.

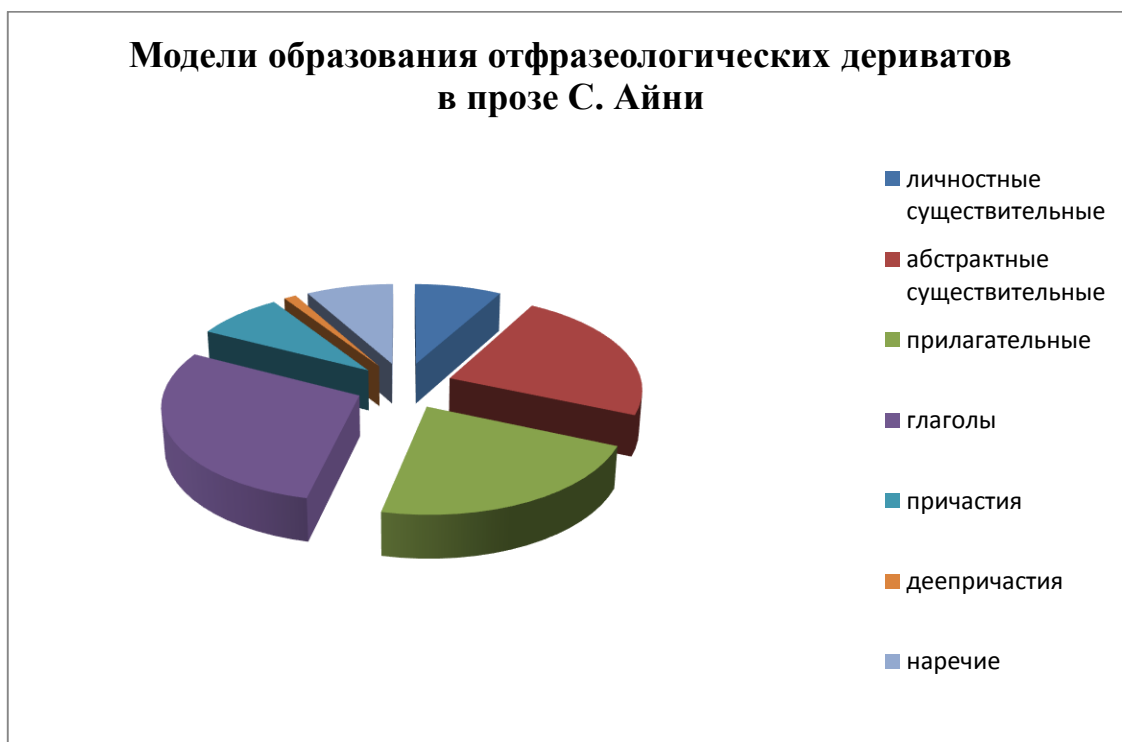
По морфологической соотнесенности отфразеологические дериваты выступают в качестве имен существительных (99), прилагательных (59), наречий (14), глаголов (62), причастий (31) и

¹⁰Рустамов, Ш. Словообразование имен существительных в современном таджикском литературном языке / Ш. Рустамов. – Душанбе, 1972. – С. 68 (на тадж. яз.); Бобомуродов, Ш., Муминов, А. Краткий словообразовательный словарь таджикского литературного языка / Ш. Бобомуродов, А. Муминов. – Душанбе, 1983. – С. 62-95 (на тадж. яз.); Халимов, С., Шукурова, К. Современный таджикский язык (именные части речи) С. Халимов, К. Шукурова. – Душанбе, 1988. – С. 52 (на тадж. яз.); Маджидов, Х. Фразеологические единицы типа «дили касе пур» // Сб. стат./ Х. Маджидов – Душанбе, 2014. – С. 314 (на тадж. яз.); Камолиддинов, Б. Норма литературного языка и языка печати / Б. Камолиддинов. – Душанбе, 2015. – С. 79 (на тадж. яз.); Фозилов, М. Словарь устойчивых словосочетаний таджикского языка / М. Фозилов. – Душанбе: Нашрдавточ, 1963. – Ч. I. – 952 с (на тадж. яз.); Амонова, Ф.Р., Хромов, А. Л. Проблемы деривационной ономазиологии современного персидского языка / Ф.Р. Амонова, А.Л. Хромов. – Душанбе: Дониш, 1990. – 102 с.; Ганиева, С. Словообразовательное значение сложных слов таджикского языка (на материале литературных памятников X-XII вв): автореф. дис.канд.фил. наук: 10.02.02 / С. Ганиева. – Душанбе, 1990. – 23 с.

деепричастий (5). В образовании указанных сложных слов важную роль играют также словообразовательные средства.

В целом, отфразеологические дериваты (имена существительные (личностные, абстрактные), прилагательные, глаголы, наречия, причастия, деепричастия), употребленные в художественных произведениях С. Айни произведены по 86 моделям. Это служит доказательством активной роли ФЕ в процессе деривации сложных слов.

В плане выражения семантики отфразеологические дериваты могут быть тождественны и могут отличаться. Как отмечает профессор Б. Камолидинов, «У межаспектных синонимов близость проявляется только в содержании или в номинативном значении» [5, 39]. К примеру, семантика мотивирующего фразеологизма и отфразеологической лексемы *афсӯс хӯрдан*(сожалеть)→ *афсӯсхӯрӣ*(сожаление); *аз даст*

рафтан(упустить из рук)→ *аздастрафта*(упущенный); *бархам хӯрдан*(быть уничтоженным)→ *бархамхӯри*(уничтожение); *бехату савод*(безграмотный)→ *бехатусаводӣ*(безграмотность) являются тождественными.

Поскольку ФЕ являются словопроизводящей базой, от них образуются слова, принадлежащие различной лексико-грамматической группе. Следовательно, семантика мотивирующего фразеологизма и отфразеологического деривата может быть различной. Например: *дил бохтан*(влюбиться)→ *дилбохта*(влюбленный), *дил бурдан*(влюбиться)→ *дилбар*(влюбленная, любимая); *дил рабудан*(покорять чье-либо сердце)→ *дилрабо*(чарующая, красавица); *гап задан*(говорить)→ *гапзан* (оратор); *чаими корро донистан*(быть мастером своего дело)→ → *чашикордон*(деловой) → *кордон*(умелый, деловой), *даст гирифта*(задержать)→ *дастгир кардан*(задержать)→ *дастгирӣ*(поддержка)→ *дастгирӣ кардан*(поддержать), *дил бастан*(влюбиться)→*дилбастагон*(близкие) и т.д.:

Фарзанди одам дар ду рӯз дӯстону *дилбастагони* худро зиёдтар ёд мекунад: яке дар рӯзи бадю ғамгинӣ, дуввум ба рӯзи хурсандию шодмонӣ [Од., 61] // Человеческое дитя чаще всего в двух случаях вспоминает своих друзей и *близких*: в печали и радости.

Один и тот же мотивирующий фразеологизм может служить базой для образования нескольких отфразеологических лексем. Результаты нашего исследования показывают, что их количество зависит от количества компонентов в производящем фразеологизме. В процессе деривации активно действуют двухкомпонентные (79), трехкомпонентные (27), четырехкомпонентные (29) ФЕ. Самыми активными являются фразеологические предложения типа «**дили касе пур**» (доверять кому-л.):

Хотири касе чамъ (кто-л. спокоен): *хотирчамъ* (спокойный), *хотирчамъӣ* (спокойствие), *хотирчамъона* (спокойно), *хотирчамъ кардан* (успокоить), *хотирчамъ шудан* (успокоиться); **дили касе пур (быть уверенным, доверять кому-л.):** *дилпур* (уверен), *дилпурӣ* (уверенность), *дилпуруна* (уверенно), *дилпур шудан* (гардидан), *дилпур кардан* (намудан) (уверить); **акли касе кӯтоҳ (быть недалевидным):** *ақлкӯтоҳ* (недалевидный), *ақлкӯтоҳӣ* (недалевидность); **вақти касе хуш (кому-то весело):** *вақтхуш* (веселый), *вақтхушӣ* (радость), *вақтхушӣ кардан* (радоваться, веселиться); **чаими касе гурусна (кто-л. жадный):** *чаимгурусна* (жадный), *чаимгуруснагӣ* (жадность), *чаимгуруснагӣ кардан* (жадничать) и т.д.

Двухкомпонентные ФЕ также активны в словопроизводстве. К примеру: **афсӯс хӯрдан (сожалеть)**→ *афсӯсхӯри* (сожаление), *афсӯсхӯруна* (с сожалением), *афсӯсхӯрон* (сожалеть); **гап задан**(говорить)→ *гапзан* (оратор), *гапзананда* (говорящий), *гапзанон* (разговаривая), *гапзанон кардан* (1) разговаривать; 2) договориться).

Так, на базе трехкомпонентных фразеологизмов (предложных словосочетаний) модели «предлог+существительные+глагол» чаще образуется одна отфразеологическая лексема. К примеру: *аз даст рафтан (упустить из рук) – аздастрафта (упущенный), аз кор баромадан (перестать работать) – азкорбаромада (нерабочий), аз миён рафтан (исчезнуть) – азмиёнрафта (исчезший), ба гардан гирифтан (взять на себя) – багардангирифта (взявший на себя), ба газаб омадан (разгневаться) – багазабомада (разгневанный)* и т.д.

Необходимо отметить, что агглютинация и импликация фразеологизма, в результате которых появляются новые отфразеологические слова, не приводят к исчезновению из языка производящего фразеологизма. Обе единицы существуют в языке. Отфразеологические дериваты являются одним из способов языковой экономии. В результате отфразеологической деривации в производной единице почти не остается информации об утраченном компоненте. В.М.Мокиенко, характеризуя этот способ, отмечает, что «фразеологический прототип глагола *баклушиничать* или *канителиться* можно восстановить лишь потому, что современный язык сохранил в активном употреблении сочетания *бить баклуши* и *тянуть канитель*, значение которых и стержневой компонент соответствуют приведенным глаголам. Сложнее найти глагольный компонент разг. *сачковать*, ибо слово теперь гораздо шире по употреблению исходного сочетания *бить сака (сачка) – «бездельничать»* (курсив наш – М.М.) [10, 111].

Появление новых единиц – отфразеологических лексем – один из путей обогащения лексики современного таджикского языка. В художественных произведениях С. Айни сложные отфразеологические слова употреблены весьма продуктивно. Они помогают избежать повтора ФЕ. К примеру:

ФЕ	Сложное слово
<i>Дили ман аз пургӯйии мизбонамон танг шуд ва аз Иброҳимхоча хоҳиш кардам, ки моро зудтар ба сайргоҳ барад [Ёдд., 107] // Мне надоело многословие хозяина дома, и я попросил Ибрагимхаджу отвезти поскорее нас на гулянье.</i>	Ман аз ин ҳол <i>дилтанг шуда</i> , ба Иброҳимхоча гуфтам [Ёдд., 107]. Из-за этого я начал <i>беспокоиться</i> и сказал Ибрагимхадже.

В первом примере ФЕ *дили касе танг шуд* обозначает «проявлять нетерпение». Образованный дериват *дилтанг шудан* имеет близкое значение «приходить в уныние». Обе единицы широкоупотребимые. В прозе писателя можно часто встретить подобные примеры: *сангзанӣ*(упрек) – *касоро санг задан*(упрекать кого-н.), *калонгирӣ*(высокомерие) – *худро калон гирифтан*(важничать), *бе хату савод*(неграмотный) – *бехатусаводӣ*(безграмотность).

В приведенном выше примере мы рассмотрели синонимию ФЕ и отфразеологического деривата в различных контекстах. Они используются и в одном предложении:

1. Зотан *иштиҳои ман ҳамеша кушодааст* ва барои ман *иштиҳокушо* чойи даркорӣ надорад [Марг. суд., 115] // Вообще-то у меня всегда хороший аппетит, и я не нуждаюсь в возбудителе аппетита (сотрапезнике); 2. *Афсӯсхӯрии* Қоришкамба зохиран барои ба гардани Мӯҳсин афтидани ин гуна бори вазнин бошад ҳам, дар ҳақиқат, ӯ дар оташи хирсу ҳасад месӯхт ва барои дар даҳони худаш надаромадани ин лукмаи рағанин *афсӯс мехӯрд*[Марг. суд., 146] // Коришкамба будто *сожалел* о том, что на Мухсина выпала такая тяжелая ноша, но на самом деле, он извивался от зависти и *жалел*, что это жирное лакомство не попало ему в рот.

Наблюдения показывают, что отфразеологические дериваты указывают на верную форму существования ФЕ, которая соответствует нормам их употребления, т.е. от нормативной ФЕ должно образоваться верная форма сложного деривата. Приведем пример:

– Марҳамат, ака, бинӯшед, чойи гарм. Ман мефаҳмам: *изтироб мекашед*[Ф. Мухаммадиев] // – Пожалуйста, брат, пейте, горячий чай. Я понимаю: *беспокоитесь*.

С глаголом *кашидан* (тащить) существует фразеологизм *бори азоб кашидан*, от которого образовано сложное слово *азоб(заҳмат)кашӣ* (мучение, трудиться). Это свидетельствует о том, что ФЕ *изтироб кашидан* не существует. Слово *изтироб* в таджикском языке используется во ФЕ *дар изтироб афтодан* (забеспокоиться): *Ҳолати гул дидаву дар изтироб афтодааст...* [Ҳилолӣ] // Увидел состояние цветка (любимой) и забеспокоился.

Отфразеологические слова способствуют уместному употреблению слова (последнее время в языке периодической печати наблюдается факт неуместного употребления лексических единиц). Они точно выражают состояние персонажа или другие смысловые оттенки. К примеру: *Ҳайратам меояд(?)* аз суханварони соҳаи синамо, ки ба бегонагӣ чӣ карданд. Ман аз шодравон Лоиқ Шералӣ ёд меорам, ки баҳри тозагии забон... чӣ *хунхӯриҳое(?)* дошт [«Озодагон», 7.07.2010] // Удивляюсь обозревателям кино, чего они добились самоустраняясь. Я вспоминаю покойного Лоика Шерали, который в борьбе за чистоту языка... *проявлял жестокость(?)*. В данном примере из периодической печати слово *хунхӯрӣ*(жестокость, свирепость) употреблено вместо *худхӯрӣ*(терзание)(от ФЕ *худро хӯрдан // терзаться, мучиться*). Неверно употреблено и ФЕ *ҳайратам меояд*(удивляюсь), так как правильной формой этого выражения в таджикском языке является *дар ҳайрат мондан* (*афтодан*). Причина такого ошибочного использования ФЕ заключается в том, что глагол в составе фразеологизма утрачивает свою семантическую ценность или же его значение ослабевает.

Необходимо отметить, что отфразеологические дериваты выступают в качестве синонима не только ФЕ, но и сложных слов, тождественных по значению. К примеру, *ширинкома*(магарыч) – *даҳанишинӣ*(лакомство; пер. магарыч), *баландтолеъ* – *хушбахт*(счастливый), *афсӯсхӯрон* – *ҳасратхӯрон*(сожалея), *гардантобӣ*

кардан – *саркашӣ кардан*(упрямиться), *дилмонда шудан* – *дилмурда шудан* (разочароваться, отчаяться), *лофзанӣ* – *сафсатафурӯшӣ*(заняться пустословием), *бадбахт* – *рӯзсиёҳ*(несчастный) и т.д.

Ҳоли модари сарсахти *бадбахт* аз ҳоли Ятим ҳам чонсӯзтар буд [Ятим, 373] // Состояние *несчастной* матери было тяжелее состояния Ятима. – Оҳ! Он давру даврон гузашт, он рӯзҳо гашта намеоянд, ман намебинам ва фарзандони *рӯзсиёҳи* ман ҳам он рӯзҳоро намебинанд...[Ёдд., 3, 147] // – Эҳ! Прошли те времена, они не возвратятся, я не увижу, и мои *несчастные* дети тоже не увидят тех дней.

Анализ фактического материала прозы С. Айни показал, что в качестве исходной базы могут служить не только фразеологизмы, но и поговорки и пословицы. К примеру, слово *қадрдон* образовано путём отсечения двух компонентов производящей поговорки *қадри зар заргар бидонад, қадри ҷавҳар – ҷавҳарӣ* (дело мастера боится):

– Шумо ҳам саломат бошед, ки *қадрдонҳои* дерина ва хешовандони аз хотир фаромӯшгардидаро суроғ карда омадед [Фул., 228] / – И вы будьте здоровы, что пришли к забытым *давним* близким друзьям и родственникам.

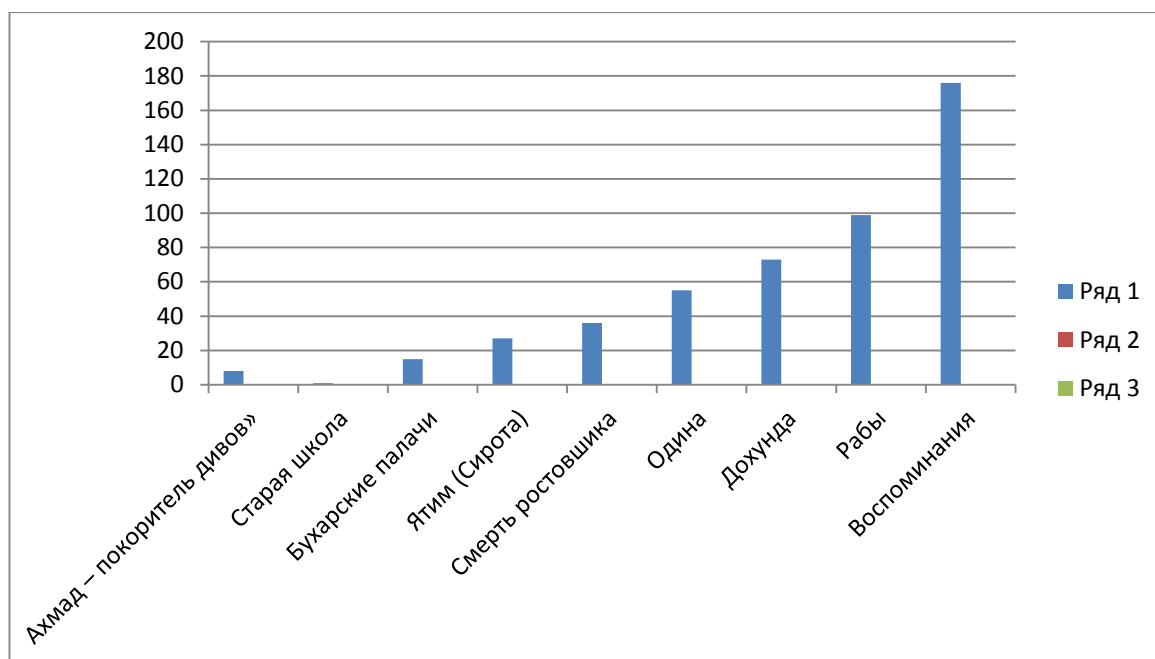
По нашему мнению, из поговорки *қадри зар заргар бидонад, қадри ҷавҳар – ҷавҳарӣ* (цену золота знает золотых дел мастер, а достоинства драгоценных камней – ювелир // дело мастера боится) образовалась ФЕ *қадри касе, чизеро донистан*(ценить кого-л., чего-л.) и от данной ФЕ сложное слово *қадрдон*(близкий, старый, преданный друг). Слово *қадрдон* образовано по форме «существительное+основа глагола настоящего времени».

Следует отметить, что в образовании большинства сложных слов (особенно тех, которые произведены на базе простых двусоставных предложений) активно участвует основа настоящего времени глагола. Оказывается, что пословицы и поговорки (хотя они являются единицей речи) также участвуют в процессе деривации (в нашем случае от них образовалась ФЕ, а последнее является языковой единицей). Данный факт служит доказательством богатства и насыщенности сокровищниц народных мудростей таджиков.

Таким образом, в художественной прозе С. Айни использовано огромное количество отфразеологических дериватов (см. на приведенную ниже диаграмму), часть которых проявляют синонимичные отношения со своим исходным фразеологизмом.

Частотность употребления сложных слов в художественных произведениях С. Айни

(Общее количество сложных слов 490)

В заключении подводятся итоги исследования, формулируются основные выводы, подчеркивается научная новизна и значимость данного труда:

1. Произведения основоположника современной таджикской литературы, писателя и поэта С. Айни – богатый вклад в таджикское языкознание в части выразительных средств языка, в том числе и синонимов. Синонимика – сфера бесконечных возможностей речевого творчества, и в произведениях писателя они использованы в целях: 1) точного выражения понятий; 2) дополнения семантики синонимичных слов; 3) уточнения и разъяснения понятий; 4) усиления смысла; 5) раскрытия характеров персонажей; 6) оценки предмета или действия; 7) во избежание повторов.

2. Последовательное использование синонимов в произведениях писателя производится не однозначно. С. Айни приводит слова разговорной лексики, заимствованные слова русско-европейского, тюркского и арабского происхождения, причиной чего являются: 1) учёт потребностей читателя; 2) указание на время возникновения предмета и 3) приобретение читателем верного представления о том или ином предмете (событии).

3. В произведениях С. Айни синонимы использованы в составе словосочетаний, т. е. главное и зависимое слово одного изафетного сочетания соотносятся с компонентами другого. С одной стороны, это помогает писателю избежать повторов, а с другой – даёт ему возможность яснее и чётче выражать свои мысли и чувства, своё отношение к персонажам того или иного произведения.

4. Синонимы употребляются писателем для: а) разъяснения значений слов. При этом С. Айни определяет и уточняет сущность предмета или происшествя; б) С. Айни в качестве синонима выбирает слова, которые за пределами текста не проявляют синонимичность, но имеют реальную основу (мотивированы). Использование таких слов

оживляет и украшает речь персонажа; в) Писатель опирается на то значение слов, которое широко употребляется в народе, но не толкуется словарём. Такое использование слов обуславливает индивидуальное своеобразие, т.е. не будучи распространённым, является особенностью стиля писателя. В выборе слов и других единиц языка писатель руководствуется нормой литературного языка, но и заимствует такие слова из живой разговорной речи, которые не противоречат языковой норме. Он тактично выбирает единицы языка для выражения той или иной мысли; г) С. Айни довольно часто употребляет слова положительные по форме и отрицательные по внутреннему содержанию (энантисемия).

5. Фразеологические синонимы произведений писателя, как и другие выразительные средства, служат для: 1) дополнения семантики; 2) точного выражения мысли; 3) для точной и яркой характеристики речи героев. По лексическому составу они делятся на две группы: 1. ФС, в составе которых существуют лексические синонимы; 2. ФС, разные по лексическому составу. В произведениях С. Айни чаще встречаются синонимы второй группы. Лексические синонимы наиболее продуктивны во фразеологических вариантах, в то время как ФС – наименее употребительны. ФС обеих групп различаются стилистической и эмоциональной окраской, местом и временем использования, кругом значений и сферой употребления.

6. Среди ФЕ больше всего проявляют синонимичность фразеологизмы глагольного типа. Они стилистически окрашены, выразительны и эмоционально насыщены.

7. Если С. Айни использует какой-либо конкретный синонимический ряд в одном произведении, то в другом употребляет синоним или вариант данного ряда. Следует отметить, что во всех своих романах и повестях писатель придерживается этого приёма.

Для достижения большей эмоциональности, точности изображения С. Айни придерживается своего индивидуального стиля: он употребляет два фразеологических выражения, которые имеют единый компонент одновременно, в одном предложении.

Писатель использует фразеологизм и свободный (неустойчивый) синтаксический оборот, имеющие общий компонент, который употребляется в прямом и в переносном значениях. Таким образом, под влиянием синтаксической конструкции восстанавливается основное значение компонента с переносным значением ФЕ. При этом цель выражается естественно и красочно.

8. Изменяя состав ФЕ, С. Айни вносит в него новое слово. Этот приём осуществляется в стилистических целях, в большей степени для воспитания художественного вкуса и влияния на эмоции (чувства) читателя. Писатель знал, что состав ФЕ устойчив, и понимал, что малейшее изменение в его структуре приведёт к искажению единицы и исчезновению ФЕ как самостоятельной единицы системы языка. Следует констатировать, что С. Айни достиг желаемой цели, однако, к великому сожалению, не всегда

такие удачные описания передаются в переводе полноценно, верно и точно.

9. Принцип экономии усилий или же языковая экономия наблюдается во всех языках мира, в том числе и в таджикском. Источником подобного явления считается живая разговорная речь, так как сокращение звукового состава слова, слов в ФЕ, в пословицах и поговорках, в компонентах сложных предложений появляется в связи именно с этим принципом. Употребление упрощённых форм единиц языка характерно для народного творчества. В силу этого влияния, стремление к употреблению упрощённых форм наблюдается и в произведениях представителей персидско-таджикской классической и современной литературы. ФЕ, проявляющие между собой синонимичность, встречаются и в произведениях С. Айни. Таким образом, писателем была использована сокращённая и полная форма ФЕ, и в процессе анализа материала нами рассмотрены лишь некоторые из них. Следует отметить, что эта проблема требует досконального, многостороннего и объективного исследования.

10. В художественной прозе С. Айни особое место занимают сложные слова, образованные из ФЕ, так называемые отфразеологические дериваты. Отфразеологическое словопроизводство предоставляет возможность образования синонима существующей единице языка (в нашем случае ФЕ). В частности, в художественных произведениях С. Айни они употреблены 1) во избежание повтора одного и того же фразеологизма, т.е. в этом случае наблюдается синонимия ФЕ и слова; 2) для выражения субъективных отношений (отрицательных или положительных), при этом проявляют стилистические особенности; 3) дополнения значений друг друга.

11. Отфразеологические дериваты прозы писателя образованы по 86 моделям: а) 7 – конкретные существительные, указывающие на личность, 20 – абстрактные существительные, 19 – прилагательные, 25 – глаголы, 7 – причастия, 1 – деепричастие, 7 – наречия.

б) Образованные дериваты принадлежат к следующим частям речи: имена существительные (99), прилагательные (59), глаголы (62), причастия (31), деепричастия (5), наречия (14). Необходимо констатировать тот факт, что частеречная соотнесенность мотивирующей основы и производного слова не всегда совпадают (к примеру, *афсӯс хӯрдан*(сожалеть) – глагольная ФЕ, а слова *афсӯсхӯрӣ*(сожаление) – абстрактное существительное, *афсӯсхӯрон*(сожалел) – деепричастие).

12. Несмотря на преобразование из ФЕ в сложное слово, производные дериваты сохраняют ту образность, которой была наделена исходная единица. По сравнению со сложными словами, образованными из простых синтаксических конструкций, из одной ФЕ производятся две и более сложных слов. Кроме этого отфразеологические дериваты указывают на верный вариант ФЕ, т.е. они произведены из существующих в языке фразеологизмов. Ошибочные

формы указанных единиц можно часто встретить на страницах периодической печати. Естественно, на их основе нельзя построить сложное слово.

13. Исследование и анализ произведений мастера слова, таджикского писателя С. Айни показывает, что каждый исследователь-языковед, независимо от его специализации, должен изучить язык прозы Айни. Вне всякого сомнения, труды этого мастера, являясь бесценным вкладом в мировое языкознание, требуют многогранного и всеобъемлющего исследования.

Наиболее яркими отличительными чертами С. Айни как писателя можно считать высокий профессионализм, внимательность к фактам языка, владение всеми тонкостями таджикского языка. Именно этот факт должен стать своеобразной отправной точкой для всех исследователей и переводчиков¹¹ произведений С. Айни.

14. Исследование синонимии лексических и фразеологических единиц художественных произведений С. Айни наглядно продемонстрировал тот факт, что стилистические особенности лексики и фразеологии художественного произведения тесно связаны с проблемой синонимии этих единиц. Мастерство писателя проявляется в выборе, способе и сфере употребления лексического богатства языка, в первую очередь лексических и фразеологических синонимических рядах. Именно талант в восприятии тонкостей языка позволил С. Айни с особым чутьём и безупречностью использовать указанные единицы не только в своих художественных и публицистических произведениях, но и выявить недостатки художественных и переводных произведений других писателей и переводчиков.

Необходимо отдать должное и редакторской деятельности писателя. Редактируя художественные произведения таджикских и таджикские переводы русских писателей, С. Айни даёт молодым создателям и переводчикам ценные советы в выборе языковых единиц, в способе описания происходящего, создания типа и т.п. Исследовав лексические и фразеологические синонимы прозы писателя, мы ставили перед собой цель продемонстрировать мастерство писателя при выборе и употреблении языковых единиц. Данный аспект на сегодняшний день является весьма актуальным, так как в языке современной периодики молодыми журналистами и писателями допускается ряд недочетов, ошибок при использовании слов, фразеологизмов и других единиц языка. Все способы употребления лексико-фразеологических синонимов

¹¹ Следует отметить, что любой переводчик обязан учитывать все вышеперечисленные критерии, дабы посредством другого (в частности русского) языка невозможно передать все нюансы, и стилистические в том числе, исходного языка. Только при соблюдении всех норм и правил перевода можно говорить об успехе произведения. Однако нельзя сбрасывать со счётов профессионализм, мастерство и внутреннее чутьё переводчика.

Поскольку русские переводы прозы С. Айни не всегда передают стилистические намерения писателя, мы посчитали необходимым наравне с готовыми переводами использовать свой авторский перевод (М.М.).

в прозе С. Айни могут служить для этой группы специалистов творческой школой и способствовать экологии языка.

Идейной основой данного научного исследования послужил тот факт, что на современном этапе развития языка уникальный стиль С. Айни становится существенной доминантой сегодняшнего таджикского языкознания.

Цитируемая литература:

1. Айни, С. Мактуби кушода ба Толис / Ахгари инқилоб. = [Открытое письмо Толису // Пламя свободы]. / С. Айни. – Душанбе: Ирфон, 1974. – С. 230-239.

2. Виноградов, В. В. Итоги обсуждения спорных вопросов стилистики // Вопросы языкознания / В.В. Виноградов. – М., 1955. – № 1. – С. 60-87.

3. Камолиддинов, Б. Хусни баён [Культура речи]. / Б. Камолиддинов. – Душанбе: Маориф, 1989. – 118 с.

4. Камолиддинов, Б. Сухандонон сухан санчида гӯянд[] / Б. Камолиддинов. – Душанбе: Оптима, 2005. – 200 с.

5. Камолиддинов, Б. Синтаксическая синонимия в современном таджикском литературном языке / Б. Камолиддинов. – Душанбе: Ирфон, 2012. – 288 с.

6. Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 345.

7. Маджидов, Х. Фразеологическая система современного таджикского литературного языка: монография / Х. Маджидов. – Душанбе: Деваштич, 2006. – 409 с.

8. Мачидов, Х. Забони адабии муосири тоҷик. Луғатшиносӣ. = [Современный таджикский литературный язык. Лексикология]. / Х. Мачидов. – Ч. I. – Душанбе: Деваштич, 2007. – 242 с.

9. Мачидов, Х. Фасохати сухан ва санъати интихоби маъноӣ дақиқ. = [Красноречие и искусство выбора точного значения]. / Х. Мачидов // Садои Шарқ, 2012. – № 10. – С. 104-115.

10. Мокиенко, В.М. Славянская фразеология. Текст: учеб. пособие для вузов по спец. «Рус. яз. и лит.». – 2-е изд., испр. и доп. // В. М. Мокиенко. – М.: Высшая школа, 1989. – 287 с.

11. Рецкер, Я. И. Теория перевода и переводческая практика / Я. И. Рецкер. – М.: Наука, 1974. – 451 с.

12. Фозилов, М. Фарҳанги ибораҳои рехтаи забони тоҷикӣ. = [Фразеологический словарь таджикского языка]. / М. Фозилов. – Душанбе: Ирфон, 1964. – Ч. II. – 802 с.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях автора:

Монографии:

1. Мирзоева, М.М. Лексическая и фразеологическая синонимия в художественных произведениях С. Айни / М.М. Мирзоева. – Душанбе, 2017. – 430 с. – 26, 8 п.л.

2. Мирзоева, М.М. Фразеологические единицы произведений С. Айни и способы их перевода на русский язык [на тадж. яз.] / М.М. Мирзоева. – Душанбе: Матбуот, 2008. – 160 с. – 10 п.л.

Статьи, опубликованные в изданиях, входящих в перечень ведущих рецензируемых изданий, рекомендованных ВАК МО РФ:

3. Мирзоева, М. М. Фразеологические синонимы повести «Бухарские палачи» С. Айни (на тадж. яз.) / М.М. Мирзоева. – Вестник Тадж. нац. ун-та (науч.журн.). Серия «филология». – Душанбе: Сино, 2010. – № 7 (63). – С. 61-64. – 0, 2 п.л.

4. Мирзоева, М. М. Лексические синонимы повести «Бухарские палачи» С. Айни / М.М. Мирзоева. – Вестник Тадж. нац. ун-та (науч.журн.). Серия «филология». – Душанбе: Сино, 2010. – № 7 [63]. – С. 133-137. – 0, 3 п.л.– (на тадж. яз.)

5. Мирзоева, М.М. Перевод лексических синонимов романа «Фуломон» (Рабы) Садриддина Айни на русский язык / М.М. Мирзоева. – Вестник Тадж. нац. ун-та (науч.журн.)(Спецвыпуск, посвященный 20-летию Независимости Республики Таджикистан). – Душанбе: Сино, 2011. – №6 (70). – С. 289-295. – 0, 4 п.л. – (на тадж. яз.)

6. Мирзоева, М.М. Перевод лексических синонимов повести «Старая школа» Садриддина Айни на русский язык / М.М. Мирзоева. – Вестник Педагогического университета. – Душанбе, 2011. – № 1(37). – С. 297-305. – 0, 5 п.л. – (на тадж. яз.)

7. Мирзоева, М.М. Синонимия фразеологических единиц и слова в произведениях С. Айни / М.М. Мирзоева. – Вестник Тадж. нац. ун-та (науч.журн.). – Душанбе: Сино, 2011. – №12 (76). – С. 345-348. – 0, 2 п. л.– (на тадж. яз.)

8. Мирзоева, М.М. Лексические синонимы в повести «Ахмад – заклинатель дивов» С. Айни / М.М. Мирзоева. – Вестник Тадж. нац. ун-та (науч.журн.). – Душанбе: Сино, 2011. – № 8 (72). – С. 293-297. – 0, 3 п. л. – (на тадж. яз.)

9. Мирзоева, М.М. Разъяснение слов в произведениях С. Айни/ М.М. Мирзоева. – Вестник Тадж. нац. ун-та (науч.журн.). – Душанбе: Сино, 2011. – №12 (76). – С. 319-323. – 0, 3 п. л. – (на тадж. яз.)

10. Мирзоева, М.М. Универбация фразеологических единиц в произведениях С. Айни / М.М. Мирзоева. – Вестник РТСУ. – № 2 (37), Душанбе, 2012. – С. 170-177. – 0,5 п.л.

11. Мирзоева, М.М. Синонимия фразеологических единиц в повести «Смерть ростовщика» С. Айни / М.М. Мирзоева. – Вестник Педагогического университета. – № 4 (47), Душанбе, 2012. – С. 22-26. – 0, 3 п. л.– (на тадж. яз.)

12. Мирзоева, М.М. Копулятивные сочетания в произведениях С. Айни и их перевод на русский язык / М.М. Мирзоева. – Вестник Педагогического университета. – Душанбе, 2012. – № 4 (47). – С. 26-31. – 0, 4 п. л.– (на тадж. яз.)

13. Мирзоева, М.М. Стиль Садриддина Айни в использовании слова и их перевод на русский язык / М.М. Мирзоева. – Вестник Вестник Тадж. нац. ун-та (науч.журн.). – Душанбе: Сино, 2012. – № 4/1 (80). – С. 32-37. – 0, 4 п. л.– (на тадж. яз.)

14. Мирзоева, М.М. Один способ употребления лексических синонимов Садриддином Айни / М.М. Мирзоева. – Вестник Вестник Тадж. нац. ун-та (науч.журн.). – Душанбе: Сино, 2012. – № 4/4 (91). – С. 22-28. – 0, 4 п. л.– (на тадж. яз.).

15. Мирзоева, М.М. Роль лексических синонимов в формировании фразеологических синонимов / М.М. Мирзоева. – Вестник Вестник Тадж. нац. ун-та (науч.журн.). – Душанбе: Сино, 2012. – № 4/2 (84). – С. 14-20. – 0, 4 п. л.– (на тадж. яз.)

16. Мирзоева, М.М. Синонимия и лексическое значение слова / М.М. Мирзоева. – Вестник Вестник Тадж. нац. ун-та (науч.журн.). – Душанбе: Сино, 2015. – № 4/1 (159). – С. 12-15. – 0, 2 п. л.– (на тадж. яз.).

17. Мирзоева, М.М. Употребление синонимического ряда в художественных произведениях С. Айни / М.М. Мирзоева. – Вестник Вестник Тадж. нац. ун-та (науч.журн.). – Душанбе: Сино, 2015. – № 4/2 (163). – С. 3-6. – 0, 2 п. л. – (на тадж. яз.).

Статьи, опубликованные в других изданиях:

18. Мирзоева, М.М. Фразеологические синонимы и варианты в повести «Ахмад – заклинатель дивов» С. Айни. – Сборник материалов республиканской конференции «Устод Садриддин Айни и оригинальность таджикского языка». – Душанбе: ТНУ, 2009. – С. 103-108. – 0, 3 п. л. – (на тадж. яз.).

19. Мирзоева, М.М. Методика преподавания универбации фразеологических единиц. – Сборник материалов республиканской конференции «Устод Садриддин Айни и оригинальность таджикского языка». – Душанбе: ТНУ, 2011. – С. 170-177. – 0, 5 п. л.– (на рус.яз.).

20. Мирзоева, М.М. О переводе некоторых лексических синонимов в произведениях С. Айни на русский язык [на рус.яз.]. – Сборник материалов республиканской конференции «Устод Садриддин Айни и оригинальность таджикского языка». – Душанбе: ТНУ, 2013. – С. 73-82. – 0, 6 п. л. – (на рус.яз.).

21. Мирзоева, М.М. Проблема отфразеологической деривации в таджикском языке (на примере юридических текстов) // «Язык. Право. Общество». Сборник статей IV Международной научно-практической конференции / М.М. Мирзоева. – Пенза: Изд-во ПГУ, 2016. – С. 72-76.

22. Мирзоева, М.М. Синтаксические функции лексико-фразеологических синонимов художественной прозы С. Айни // «Актуальные вопросы синтаксиса таджикского языка». Сборник статей Республиканской научно-практической конференции / М.М. Мирзоева. – Душанбе: Изд-во ТНУ, 2018. – С. 61-66. – (на тадж. яз.).